

Александр Нечволодов

СКАЗАНИЯ О РУССКОЙ ВОЙНЕ

Книга четвертая

БЕЛЫЙ ГОРОД

Александр Нечволодов

Сказания о Русской земле. Книга 4

ТД "Белый город"

1913

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Нечволодов А. Д.

Сказания о Русской земле. Книга 4 / А. Д. Нечволодов — ТД
"Белый город", 1913

Книга, написанная действительным членом Императорского Русского военно-исторического общества Александром Нечволодовым, уникальна. Ее первое издание стало настольной книгой в семье последнего российского императора Николая II. «Сказания о Русской земле» включают в себя обширнейший историографический материал: от древнерусских былин, песен и летописей до работ Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, И. Е. Забелина и многих других историков и писателей, чьи имена вписаны в золотой фонд истории нашего Отечества. Каждая страница книги пронизана любовью к России и гордостью за ее славное прошлое, настоящее и будущее.

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)

© Нечволодов А. Д., 1913
© ТД "Белый город", 1913

Содержание

Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Александр Нечволодов

Сказания о Русской земле. Книга четвертая

Посвящается светлой памяти Ивана Егоровича Забелина, благодаря многолетним трудам которого, созданным его глубокою душою и проникновенным умом, каждый русский человек получил драгоценное право гордиться своими отдаленнейшими предками и с уверенностью взирать на грядущие судьбы нашего великого народа

А.Д. Нечволодов

Русская историческая библиотека

Составил Александр Нечволодов, действительный член Императорского Русского военно-исторического общества

Текст печатается по книге А. Нечволодова «Сказания о Русской земле» (СПб., 1913) в соответствии с грамматическими нормами современного русского языка

Глава 1

Правление великой княгини Елены † Правление бояр † Детство и юность Иоанна † венчание на царство и женитьба † Митрополит Макарий Сильвестр и Адашев † Иван Пересветов † Соборы и преобразования † Казанский поход † Астрахань † Крым † Ливонская война † Начало сношений с Англией

После похорон великого князя Василия Иоанновича, при торжественном собрании духовенства, бояр и народа, митрополит Даниил благословил в Успенском соборе 4-летнего великого князя Иоанна IV на властвование над Русской землей; правительницей же, за его малолетством, являлась, естественно, по древнему русскому обычаю, его мать – великая княгиня Елена Васильевна. Свое вступление в управление государством она начала с милостей: сидевший в тюрьме за самовольный отъезд к брату покойного великого князя Юрию князь Андрей Михайлович Шуйский был выпущен на свободу; затем богатые дары готовились для раздачи в память об усопшем великом князе его братьям и близким людям.

Но уже через неделю великой княгине пришлось начать беспощадную борьбу с врагами государства, которые, видя малолетство великого князя, не замедлили поднять свои головы. По рассказу одних летописцев, только что выпущенный из тюрьмы князь Андрей Михайлович Шуйский стал уговаривать князя Горбатова отъехать к дяде малолетнего великого князя Юрию, которому, как мы помним, сильно не доверял и покойный Василий Иоаннович; «Пойдем со мной вместе, – говорил Андрей Шуйский Горбатову, – а здесь служить – ничего не выслужишь; князь великий еще молод, и слухи носят о Юрии; если князь Юрий сядет на государство, и мы к нему раньше других отъедем, то мы у него этим выслужимся». Горбатов не согласился; тогда Андрей Шуйский поспешил отправиться к правительнице и оклеветал Горбатова – будто он его сманивал к отъезду; но правда выяснилась, и князя Шуйского посадили вновь в тюрьму. Вместе с тем близкие бояре посоветовали Елене Васильевне лишить свободы и князя Юрия Иоанновича, на что она им ответила: «Как будет лучше, так и делайте», после чего Юрия посадили в ту же палату, где сидел и его племянник Димитрий, внук Иоанна III.

Другие летописцы рассказывают иначе: будто сам князь Юрий прислал к Андрею Шуйскому своего дьяка звать его на службу; Шуйский передал об этом князю Горбатову, тот боярам, а от них узнала и правительница, которая приказала схватить обоих. Разбирая подробно вопрос о том, было ли достаточно причин у великой княгини согласиться с боярами посадить в заключение князя Юрия Иоанновича, наш известный историк С. Соловьев говорит, что «правительство не было расположено верить всякому слуху относительно удельных князей», так как строго наказывало за ложные доносы и потому, «если оно решилось заключить Юрия, то имело на то основания».

Скоро затем молодой правительнице государства пришлось проявить свою твердость и по отношению своего родного дяди – знаменитого князя Михаила Глинского, прощенного по ее просьбе покойным мужем за измену. Михаил Глинский и дьяк Шигона Поджогин были на первых порах, после смерти Василия Иоанновича, самыми близкими к ней людьми. Мы уже видели, каким необузданным властолюбием обладал Михаил Глинский, правивший почти единолично целой Литвой при короле Александре и затем дважды изменявший своим государям, сперва Сигизмунду Польскому, а затем и Василию Иоанновичу Московскому, за то, что те не давали достаточно простора его честолюбию; ясное дело, что теперь, как родной дядя правительницы Московского государства, он желал сам править всеми делами; что же касается Шигоны Поджогина, этого дьяка, облагодетельствованного покойным великим князем Василием, то мы также видели, что он, стоя у смертного одра своего государя, позволил себе оспаривать его последнюю волю – желание облечься в схиму перед смертью.

Несомненно, великая княгиня Елена Васильевна, глубоко проникнутая всеми заветами собирателей Русской земли, весьма скоро убедилась, что Михаил Глинский и Шигона Поджогин намерены преследовать свои личные цели и вовсе не будут верными и беззаветными слугами ее малолетнего сына, как от них требовал этого умирающий Василий. Всю свою привязанность и доверие правительница перенесла на мамку маленького великого князя – Аграфену Челяднину и на ее брата, князя Ивана Овчину-Телепнева-Оболенского. По-видимому, Аграфена Челяднина с братом были вполне искренно привязаны к своему государю и его матери, причем князь Иван Оболенский обладал при этом чрезвычайно твердой волей и большими воинскими дарованиями.

При означенных условиях не замедлила, разумеется, вспыхнуть борьба между властолюбивым Михаилом Глинским и его племянницей; скоро он был обвинен в том, что хотел держать государство вместе с боярином Михаилом Семеновичем Воронцовым, тоже властным и строптивым человеком, которому, как мы помним, Василий Иоаннович перед самою смертью

простил какую-то вину; в августе 1534 года Глинский был схвачен и посажен в ту же палату, в которой он сидел до своего освобождения; в ней он скоро и умер.

Одновременно с этим объявились и другие крамольники: двое из самых знатных бояр – князь Семен Вельский и Иван Ляцкий – убежали в Литву; великая княгиня велела схватить их соумышленников: князя Ивана Феодоровича Вельского, брата бежавшего Семена, и князя Ивана Воротынского с детьми; но другого брата Семена – князя Димитрия Вельского – не тронули, «и это обстоятельство отнимает у нас право предполагать, – говорит С. Соловьев, – что Иван Вельский и Воротынский были схвачены без основания».

А. Васнецов. Старая Москва

Затем правительнице пришлось прибегнуть к крутым мерам и против второго брата своего умершего мужа, князя Андрея Иоанновича, человека, как казалось, безобидного. По смерти Василия III Елена Васильевна богато одарила этого князя Андрея вещами, оставшимися после покойного, но Андрей стал припрашивать городов к своему уделу, и когда ему в этом отказали, то он уехал из Москвы очень обиженным. Скоро о его недовольстве передали правительнице, а Андрею сообщили, будто его хотят схватить; узнав про это, Елена поспешила рассеять его подозрения, вызвала его в Москву и просила его: «Ты бы в своей правде стоял крепко, а лихих людей не слушал да объявил бы нам, что это за люди, чтобы впредь между нами ничего дурного не было». Андрей сказал, что он ничего ни от кого не слышал, и дал запись, в которой подтверждал свой клятвенный договор с великим князем, и обязывался ссорщиков не слушать, а объявлять о их речах великому князю и правительнице; затем он уехал к себе в Старицу и продолжал по-прежнему опасаться Елены и сердиться на нее, что она ему не прибавила городов. Скоро стали опять доносить в Москву, что он собирается бежать. Елена, по свидетельству летописца, не поверила этому и пригласила его на совет по случаю войны с Казанью, о чем мы будем говорить ниже. Но Андрей отказался под предлогом нездоровья. Тогда Елена послала к нему великокняжеского врача, который, возвратясь, доложил ей, что болезнь – простой предлог не ехать в Москву. Это, разумеется, возбудило против Андрея подозрения. К нему опять послали приглашение приехать, но он опять отказался, причем, между прочим, писал малолетнему Иоанну, от имени которого Елена всегда сносила по всем делам: «Нам,

Государь, скорбь и кручина большая, что ты не веришь нашей болезни и за нами посылаешь неотложно; а прежде, Государь, того не бывало, чтобы нас к вам, Государям, на носилках волочили...».

Ф. Солнцев Старинный топор

Письмо это не успело еще дойти до Москвы, как туда дали знать, что князь Андрей непременно побежит на другой же день из своего удела. Тогда правительница отправила к нему трех духовных отцов для увещания от имени митрополита и вместе с тем выслала сильные полки к Волоку, с которыми пошел и князь Иван Овчина-Оболенский, для того чтобы перехватить Андрею путь в Литву. Узнав про это, Андрей выбежал из Старицы в направлении к Новгороду, причем по пути он писал грамоты к помещикам, детям боярским и в погосты: «Князь великий молод, держат Государство бояре, и вам у кого служить? Я же рад вас жаловать». Многие откликнулись на его зов, но зато в его собственных полках нашлось еще больше недовольных его изменою государю. А между тем решительный князь Иван Овчина-Телепнев-Оболенский настиг Андрея. Тут вместо боя обе стороны вступили в переговоры, и князь Иван Телепнев, не обославшись с правительницей, дал Андрею клятву, что если последний поедет в Москву, то Елена большой опалы на него не положит и не посадит в заключение. Андрей согласился; но когда они прибыли в Москву, то правительница сделала князю Ивану Телепневу строгий выговор за то, что он сам без ее ведома дал такую клятву; через два дня, в течение которых были, без сомнения, рассмотрены все улики против Андрея, он был схвачен и посажен в темницу вместе с женой и сыном Владимиром; его бояре – князь Пронский, двое Пенинских-Оболенских, князь Палецкии и другие – были пытаемы, а затем казнены торговою казней и заключены в оковы; 30 же новгородских помещиков, перешедших на сторону Андрея, были биты кнутом в Москве, а потом повешены по Новгородской дороге в большом расстоянии друг от друга, вплоть до самого Новгорода.

Так расправилась, твердо и решительно, молодая правительница от имени своего малолетнего сына с внутренними его врагами – сильными людьми Русской земли.

Конечно, и внешние враги нашей Родины – западное латинство в лице Литвы и восточное басурманство в лице Крыма и Казани не замедлили попытаться воспользоваться восшествием на московский престол малютки Иоанна и крамолой, возникшей в среде его близких лиц.

Перед самой смертью Василия Иоанновича старый Сигизмунд, желая заключить вечный мир с Москвою или продолжить истекающее перемирие, послал сказать московским боярам через посредство литовских радных панов, что пусть великий князь Василий пришлет в Литву гонца с опасной грамотой на королевских послов для поездки их в Москву, как это истари водилось.

Теперь, со смертью Василия, Сигизмунд сообщил московскому послу Заболоцкому, прибывшему к нему для извещения о восшествии на прародительский престол малолетнего Иоанна, что он хочет быть с Иоанном в братстве и приязни, для чего «пусть он и шлет к нам своих великих послов, да чтобы не медлить».

Это требование посылки московских послов на Литву, чего прежде никогда не водилось, не было, разумеется, нами исполнено, и правительница, видя неизбежность войны, деятельно к ней готовилась. Сигизмунд же, обрадованный слухами о возникшей крамоле среди высшего боярства в Москве, замыслил отнять у нас все приобретения Иоанна III и Василия на Литве. Он стал деятельно сноситься с крымским ханом Саип-Гиреем, побуждая его вторгнуться в наши пределы, и с особенной милостью принял наших изменников, князя Семена Вельского и Ляцкого, жадно вслушиваясь в их рассказы о неурядицах, господствующих в Москве.

Между тем перемирие с Литвою, заключенное при Василии, окончилось в 1534 году, после чего литовские войска и крымские татары вторглись в наши владения. Татары, вошедшие в Рязанскую область, были скоро наголову разбиты лихими князьями Пунковым и Татевым, а многочисленная литовская рать под начальством киевского воеводы Андрея Немировича вступила в Северские пределы и осадила Стародуб, выжегши его предместья; тогда из Стародуба была произведена смелая вылазка под начальством храброго Андрея Левина, и вся литовская сила в беспорядке отступила от города, оставив в наших руках 40 пушек, с торжеством доставленных в Москву.

Чтобы загладить эту неудачу, литовцы подошли к плохо укрепленному городу Радогощу, но сидевший в нем мужественный воевода Матвей Лыков не хотел сдаться и предпочел сгореть вместе со своими воинами, когда литовцы подожгли Радогощ. Затем они двинулись к Чернигову и стали обстреливать его из пушек; но и в Чернигове также сидел храбрый и искусный воевода князь Феодор Мезецкий; держа под огнем своих орудий неприятеля, он не допустил его в течение дня подойти близко к городским стенам, а ночью, выйдя из Чернигова, произвел внезапное нападение на неприятельский стан; утомленные литовцы, спавшие глубоким сном и в ужасе пробудившись под страшными ударами русских, стали в темноте избивать друг друга и наконец бежали во все стороны, оставя нам в добычу все пушки и обоз; воевода же их Андрей Немирович со стыдом вернулся в Киев.

В то же время другой литовский воевода – князь Вишневецкий, посланный Сигизмундом под Смоленск, также потерпел неудачу. Славный наш наместник князь Никита Оболенский вышел из города ему навстречу, разбил его и гнал на протяжении нескольких верст. Так начатая Сигизмундом с большими надеждами на успех война с Москвой привела на первых же порах к полной неудаче.

Когда сведения о враждебных действиях литовских войск пришли к великой княгине, то была собрана Боярская дума в присутствии малолетнего великого князя; на ней было приговорено – воевать с Литвою, и митрополит Даниил, обратясь к 4-летнему Иоанну, сказал ему: «Вы, Государи Православные, пастыри Христианству; тебе, Государю, подобает оборонять Христи-

анство от насилий, а нам и всему священному Собору за тебя, Государя, и за твое войско Богу молиться. Гибель зачинающему рать, а в правде Бог помощник!»

С. Никитин. Шапка Мономаха

Войска наши, отвлеченные к стороне Крыма, могли выступить против Литвы лишь глубокой осенью; с ними шел и любимец Елены мужественный князь Иван Овчина-Телепнев-Оболенский. начальствовавший передовым полком. Не встречая нигде войск противника, которых, как мы знаем, было всегда весьма трудно собрать вовремя литовским великим князьям, наша рать, разорив неприятельские области, подошла, невзирая на страшные снега и жестокие морозы, почти к самой Вильне, где сидел встревоженный Сигизмунд, и затем, не предполагая осадить этот сильно укрепленный город, она торжественно вернулась назад. В то же время воеводы князя Феодор Телепнев и Тростенские ходили с таким же успехом от Стародуба к Турову и Могилеву, также нигде не встречая неприятельских войск и всюду внося ужас и опустошение. «К чести русских, – примечает Н.М. Карамзин, – летописец сказывает, что они в грабежах своих не касались церквей Православных и многих единоверцев великодушно отпустили из плена».

В следующем 1535 году Сигизмунду удалось собрать значительные военные силы; московские войска смело выступили им навстречу, причем передовым полком начальствовал опять князь Иван Овчина-Телепнев-Оболенский.

Рать, шедшая из Москвы, имела назначением добыть лежащий к югу от Смоленска город Мстиславль, а другая наша рать из Пскова и Новгорода, под начальством Бутурлина, должна была поставить город на Литовской земле у озера Себежа.

Литовское же войско, под начальством Юрия Радзивилла, Андрея Немировича, Яна Тарновского и нашего изменника князя Семена Вельского, двинулось опять в Северскую область и взяло без сопротивления Гомель, где сидел малодушный князь Щепин-Оболенский, тотчас же сдавший его без боя и отправившийся со всем своим отрядом и пушечным нарядом в Москву; его не замедлили ввергнуть в темницу. После взятия Гомеля литовцы встретили сильнейший отпор у Стародуба; здесь сидел воеводой мужественный князь Феодор Телепнев-Оболенский, и только тайно подведя подкоп и взорвав город, литовцам удалось овладеть им, причем погибло 13 000 жителей и был взят в плен геройски защищавшийся до конца князь Феодор Телепнев. От Стародуба литовцы пошли на Почеп, весьма плохо укрепленный. Сидевший здесь воевода

Феодор Сукин велел жителям сжечь его дотла и уйти, так что «литовцы, – говорит Карамзин, – завоевав единственно кучи пепла, ушли восвояси». Московские же полки, назначенные на выручку Северской земли, не успели туда вовремя, так как должны были отразить набег крымцев на Рязанскую область, где нанесли последним ужаснейшее поражение.

В следующем 1536 году Сигизмунд послал свои войска под начальством Андрея Немировича взять крепость Себеж, выстроенную Бутурлиным, но литовские пушки действовали плохо и били своих, а затем русские сделали смелую вылазку и наголову разбили врага; при этом множество литовцев погибло на Себежском озере, лед которого подломился под ними. Затем московские воеводы ходили воевать Литовскую землю под Любеч, сожгли посады у Витебска и полонили множество людей. Стародуб и Почеп, покинутые литовцами, были нами восстановлены, а кроме Себежа мы построили на литовском рубеже также города Заволочье и Велиж.

Таким образом, надежды Сигизмунда на успешную войну с Москвой с целью вернуть себе все завоевания, сделанные в Литве Иоанном III и Василием Иоанновичем, несмотря на помощь крымцев, должны были рухнуть.

Великий литовский гетман Юрий Радзивилл

Он резко переменял свое обращение с нашими изменниками, князем Семеном Вельским и Ляцким, столь им обласканными ранее, и начал хлопотать о заключении мира, причем опять хотел, чтобы наши послы поехали к нему в Литву или, по крайней мере, на границу обоих государств, указывая, что он стар, а московский государь еще ребенок. «Рассудите сами, – писал пан Юрий Радзивилл князю Ивану Овчине-Оболенскому, – кому приличнее отправить своих послов – нашему ли государю, который в таких преклонных летах, или вашему, который еще так молод?»

Но на это ему передали от Москвы, что государи сносятся друг с другом, считаясь с достоинством своих государств, а не летами... «Государь наш теперь в молодых летах, а милостию Божиею Государствами своими в совершенных летах. А что ты писал о съезде посольства на границах, то это кто-нибудь, не желая между Государями доброго согласия, такие новизны выдумывает; от предков наших Государей повелось, что от королей к нам послы ходили и дела у нас делали».

Старый Сигизмунд не сразу согласился на эти доводы, но в конце концов твердость Москвы пересилила, и к Рождеству 1536 года его послы прибыли к нам, причем правительницей было поручено ведение переговоров с ними боярину Михаилу Юрьевичу Захарьину.

Литовские послы начали с обычных споров о том, кто виноват в начавшейся войне и стали предъявлять обычные же чрезмерные требования, причем больше всего настаивали на возвращении Смоленска – для заключения вечного мира. Конечно, в этом им было отказано. Тогда на втором совещании они решили отвечать на все молчанием. Наскучив этим, Михаил Юрьевич Захарьин сказал им: «Паны! Хотя бы теперь дни были и большие, то молчанием ничего не сделать; а теперь дни короткие, и говорить будете, так все мало времени».

Тогда послы отвечали: «Мы уже говорили два дня и все по приказу господаря нашего спускаем, а вы ни одного слова не спустите; скажите нам, как ваш Государь с нашим господарем в вечном мире быть хочет?» Бояре отвечали, что по вечному миру Смоленск должен быть за Москвой. Но литовские паны никак на это не соглашались; наконец после немалых препирательств они предложили, чтобы вместо Смоленска королю был отдан какой-либо другой город. Бояре пошли с этим предложением к своему 6-летнему государю и возвратились к послам со следующим его словом: «Отец наш ту свою отчину с Божиею волею достиг и благословил ею нас: мы ее держим, королю никак не уступим; а другой город за нее для чего нам давать? Смоленск наша отчина изначала, от предков; и если наши предки случайно ее потеряли, то нам опять дал ее Бог, и мы ее не уступим».

На это слово послами было предложено перемирие, которое, после многих переговоров, было заключено на пять лет, до 25 марта 1542 года, причем Гомель был оставлен за Литвой, а Себеж и другие города, сооруженные русскими на Литовской земле, за нами.

Решая в думе вопрос о перемирии, великий князь говорил с боярами: «Пригоже ли взять перемирие на время?» И приговорил, что «пригоже для иных сторон недружных». Этими недружными сторонами были Крым и Казань.

Крым вел себя по отношению нас, как и прежде, чисто по-разбойничьи: алчно, лживо и вероломно. Скоро по вступлении Иоанна на престол между ханом Саип-Гиреем, явно к нам нерасположенным, и старшим из всех Гиреев – Исламом – возникла вражда, и Крымская Орда разделилась между ними, что, разумеется было весьма полезно Москве, хотя Ислам был таким же бесчестным грабителем, как и Саип-Гирей: сойдясь с Сигизмундом против нас, он в то же время отправил в Москву послов, предлагая свой союз и прося казны и поминков.

В. Нагорнов. В старой Москве

Скоро к Исламу прибыл наш изменник Семен Вельский. Этот злодей, видя, что Сигизмунд к нему переменился после ряда неудач в войне с Москвой, отпросился у него в Иерусалим, но вместо этого отправился к турецкому султану и стал уговаривать последнего напасть вместе с Крымом и Литвою на Москву. Не успели послы Сигизмунда заключить с нами перемирие, как Вельский писал ему, что султан приказал Саип-Гирею Крымскому и двум своим пашам с 40-тысячным войском идти на помощь Литве против Москвы.

Получив эти сведения, уже запоздалые ввиду перемирия, Сигизмунд приказал Вельскому поспешить приездом в Литву, но по пути последний был задержан Ислам-Гиреем, который сообщил о его замыслах в Москву, разумеется, в надежде получить за это от нас какую-либо выгоду. Московское правительство благодарило Ислама за сведения присылкой богатых даров и, чтобы отвлечь Вельского от его опасных замыслов, предложило ему вернуться, обещая прощение. В то же время, на случай если он приехать не согласится, бояре отправили к Исламу просьбу выдать им Вельского или даже убить его. Так как Вельский в Москву не ехал добровольно, то Ислам обещал его выдать, но был неожиданно убит сам одним из ногайских князей, другом Саип-Гирея.

Последний не замедлил отпустить Вельского на свободу по приказанию султана и стал опять единовластно править всей Крымской Ордой. Он сейчас же послал известить об этом в Москву вместе с требованием не вмешиваться в дела казанские, так как постоянной мыслью Гиреев было, как мы видели, соединение всех татарских орд в одну или, по крайней мере, под одним владетельным родом, а в Казани в это время сидел уже родной брат Саип-Гирея – известный нам Сафа-Гирей.

Произошло это так: при вступлении на престол Иоанна IV Васильевича в Казани был ханом вполне покорный Москве царь Еналей, посаженный там Василием Иоанновичем. Но

скоро крымские сторонники в Казани нашли, что наступило подходящее время свергнуть Еналея; он был убит, и на его место провозгласили царем Сафа-Гирея Крымского.

Однако в Казани была также сильная сторона, державшаяся Москвы. Сторона эта прислала сказать Елене Васильевне, что она надеется изгнать Сафа-Гирея, и просила ее дать им в царя Шиг-Алея, заключенного, как мы помним, Василием Иоанновичем на Белоозере. Тогда, по совету бояр, Елена послала объявить Шиг-Алею государеву милость, и его позвали в Москву.

Обрадованный Шиг-Алей был принят 6-летним Иоанном, торжественно восседавшим на троне в присутствии своих бояр; Шиг-Алей пал перед ним на колени и смиренно исповедал свои вины перед покойным Василием Иоанновичем. Выслушав эту речь, государь милостиво приказал ему встать, позвал его к себе поздороваться (кашешаться, по татарскому выражению) и велел сесть на лавке с правой стороны от себя, а затем подарил богатую шубу.

Шиг-Алей желал представиться также и правительнице. Она спросила бояр, прилично ли ей принять царя; те решили, что прилично, так как она правит государством за малолетством сына; затем Шиг-Алей был принят ею на торжественном приеме, на котором присутствовал также и маленький Иоанн, вышедший ему навстречу. «Государыня, великая княгиня! – начал свою речь Шиг-Алей, ударив правительнице челом в землю. – Взял меня, Государь мой, князь Василий Иоаннович, молодого, пожаловал меня, вскормил, как щенка, и жалованьем своим великим жаловал, как отец сына, и на Казани меня царем посадил». Затем, перечислив свои вины, Шиг-Алей дал клятву до смерти верно служить Москве. Елена отвечала на это милостивым словом. После Шиг-Алея ею была принята и жена его, Фатьма-Салтан; у саней и на лестнице ханшу встретили боярыни, а в сенях сама великая княгиня. Когда в комнату вошел маленький государь, то ханша встала со своего места, а Иоанн сказал ей по-татарски: «Табуг-Салам» – и кашешался; затем сел рядом с матерью и присутствовал на почетном обеде, данном ему в честь гости.

Пока в Москве принимали Шиг-Алея, Сафа-Гирей Казанский уже вторгся в наши пределы и злодействовал в Нижегородской области; храбрые, но малоопытные в ратном деле жители города Балханы вышли ему навстречу, но были разбиты; затем нижегородские воеводы, князь Гунодров и Замыцкий, сошлись было с татарами для боя, но скоро отступили от них. Узнав про это, правительница приказала обоим примерно наказать и заключить в тюрьму, а

на их место отправила Сабурова и Карпова, которые разбили наконец татар и бывших с ними черемис.

С целью наказать как следует казанцев Москвою и было заключено перемирие с Литвой, после которого мы не замедлили отправить в начале 1537 года свои войска на восток против Сафа-Гирея, тщетно пытавшегося взять Муром. Заслышав о приближении московских полков, он поспешил удалиться в Казань. В это время как раз пришло известие в Москву об убийстве Ислама Крымского, а затем и требование Саип-Гирея, объединившего под своей властью всех крымских татар, не вмешиваться в казанские дела.

В собранной думе правительница и бояре порешили, что не следует начинать войны с Крымом из-за Казани в данное время и что можно будет помириться с Сафа-Гиреем, если он пришлет своих послов в Москву просить мира. В таком смысле и был составлен ответ Саип-Гирею Крымскому, в котором государь писал:

«Для тебя, брата моего, и для твоего прошенья я удержал рать и послал своего человека к Сафа-Гирею; захочет он с нами мира, то пусть пришлет к нам добрых людей, а мы хотим держать его так, как *АтА* и отец наш держали прежних Казанских царей. А что ты писал к нам, что Казанская земля юрт твой, то посмотри в старые твои летописцы, не того ли Земля будет, кто ее взял? А как дед наш милостию Божию Казань взял и царя свел, того ты не помнишь! Так ты бы, брат наш, помнил бы свою старину и нашей не забывал».

Таким образом, Москва, вынужденная силой обстоятельств на уступку Крыму, сделала это по обычаю так, чтобы ничем не уронить своего достоинства.

Отношения с Литвой, Крымом и Казанью были важнейшими внешними делами в правление Елены; кроме того, она подтвердила со шведским королем Густавом Вазою перемирие на 60 лет, причем по старине шведские послы отправились в Новгород и вели там переговоры с московскими наместниками; Густав Ваза обязался не помогать ни Литве, ни ливонским немцам в случае их войны с нами.

Затем был подтвержден и прежний договор с Ливонией, причем магистр ордена и Рижский архиепископ убедительно молили великого князя о дружбе и покровительстве. Искали также союза с Москвой воевода молдавский и хан астраханский.

Деятельно занимаясь подавлением крамолы среди близких себе сильных людей и сложными внешними отношениями, Елена Васильевна обращала большое внимание и на внутренние дела; особенно заботилась она о создании новых крепостей и городов, а также о восстановлении сгоревших от пожара: Перми, Устюга, Ярославля, Владимира и Твери. Ею же, по мысли покойного мужа, был обнесен стеной Китай-город в Москве.

В числе распоряжений Елены Васильевны необходимо отметить запрещение обращения в народе поддельных и обрезанных денег, которые во множестве развелись еще при жизни Василия Иоанновича и причиняли страшное зло в торговле; незадолго до его смерти много людей было предано за это в Москве лютой казни: иным отсекали руки, а другим вливали кипящее олово в рот. Правительница, воспретив вовсе обращение поддельных денег, приказала их перечеканить и выделывать из гривенки 3 рубля, или по 300 денег новгородских, тогда как в старых было только 250. «Прибавлено было в гривенку новых денег для того, – говорит летописец, – чтобы людям был невелик убыток от испорченных денег». При этом вместо прежних

изображений на монетах великого князя с мечом в руке он стал изображаться теперь с копьём, а новые деньги называться копейными (копейками).

Так правила государством за малолетством Иоанна великая княгиня Елена Васильевна до 3 апреля 1538 года; в этот же день, в два часа дня, будучи в полном цвете лет, она неожиданно скончалась. Барон Герберштейн говорит, что ее отравили, и этому, конечно, можно верить. Мы видели, что Москва, собирая Русскую землю под свою власть, собрала также у самого государева престола и все ядовитые пережитки древней удельной Руси, принесшей столько зла Русской земле. У многих новых московских бояр из бывших удельных князей осталось глубокое сожаление об утраченных правах своих предков и явилось чувство жгучей зависти к московскому великому князю. Мы видели, с какой злобой вспыхнула эта боярская крамола, как только скончался Василий Иоаннович, и как твердо и беспощадно, поддерживаемая князем Иваном Овчиной-Телепневым-Оболенским, подавляла ее правительница: зная злобу против себя, она, вероятно, постоянно ожидала смерти от лихого зелья и не ошиблась в этом.

Рассматривая беспристрастным оком 4-летнее правление Елены Васильевны, мы должны почтить ее память заслуженным уважением, так как деятельность ее была направлена исключительно ко благу государства и во всем согласовывалась с заветами предшественников ее сына; жестокие же и суровые кары, к которым она прибегала, конечно, вполне вызывались обстоятельствами и, насколько можно судить, налагались всегда только после должного расследования, а не под влиянием гнева или личного раздражения. Что касается ее любимца князя Ивана Овчины-Телепнева-Оболенского, то, как мы видели, это был человек выдающихся государственных качеств и верный слуга своего государя. Будучи беспощадно твердой ко всем врагам государства, Елена отличалась большой набожностью и благотворительностью. Она постоянно разъезжала по монастырям на богомолье и всюду раздавала щедрые милостыни. Чтобы заселить пустые местности наших владений, она привлекала переселенцев из Литвы, разумеется, православных русских, и давала им земли и много льгот; особенно же заботилась она о выкупе пленных, попавших в руки татар. Елена Васильевна тратила на это огромные деньги и требовала пожертвований от духовенства и богатых монастырей; в 1535 году Новгородский архиепископ Макарий, святитель выдающихся чувств и образа мыслей, прислал ей для выкупа пленных 700 рублей от своей епархии при грамоте, в которой говорил: «Луша человеческая дороже золота».

К. Лебедев. Елена Глинская

Узнав о смерти матери, 7-летний государь с громким рыданием кинулся в объятия ее любимца и своего друга – князя Ивана Овчины-Телепнева-Оболенского. Но тот с кончиной своей покровительницы очутился в еще более печальном положении, чем малолетний великий князь. Ровно через неделю после смерти Елены Васильевны князь Иван Овчина был без суда ввержен в тюрьму и заморен в ней голодом; сестра же его – мамка великого государя всея Руси – Аграфена Челяднина, несмотря на горькие слезы, которые проливал, разумеется, ее питомец, была силою отторгнута от него и окована цепями, а затем, после пребывания в тюрьме, сослана в Каргополь и там против воли пострижена. Виновником этих насильственных поступков был первый боярин в Государевой думе, князь Василий Васильевич Шуйский, потомок суздальских князей, уже знакомый нам по суровой расправе с изменниками-смолянцами, которых он повесил после Орешинского сражения, с надетыми государевыми подарками, на городских стенах.

Устранив князя Ивана Телепнева, Василий Шуйский, может быть, причастный и к отравлению Елены Васильевны, пожелал, чтобы забрать возможно более власти в свои руки, породниться с государем; для этого, он, несмотря на то, что перешел уже 60-летний возраст, вступил в брак с юной двоюродной сестрой великого князя – Анастасией, дочерью крещеного татарского царевича Петра и сестры Василия III – Евдокии. Затем Василий Шуйский поспешил освободить из темницы заключенных Еленой Васильевной: родственника своего, князя Андрея Михайловича Шуйского и князя Ивана Вельского, брата известного нам изменника князя Семена. Скоро, однако, Иван Вельский, негодуя на самовластие Василия Шуйского, стал обнаруживать к нему вражду и собирать вокруг себя недовольных; тогда Шуйский со своими приспешниками решили опять засадить Вельского в тюрьму, причем его сторонников разослали по деревням, а одному – дьяку Феодору Мишуруну, любимцу Василия III, – отрубили голову.

После этих дел Василий Шуйский жил недолго и умер, может быть, тоже от отравы. Высшая же власть в государстве перешла в руки его брата – князя Ивана Шуйского, который сейчас

же поспешил насильно свести с митрополичьего престола Дионисия, сторонника Ивана Вельского, и сослать его в Волоколамский монастырь; вместо него митрополитом был поставлен собором епископов Иосаф, игумен Троицкой лавры.

Безурядица, наступившая после смерти Елены, начала сейчас же сказываться во всей жизни Московского государства. Известный зодчий Петр Фрязин, видя это, бежал на родину и так объяснял свой поступок: «великого князя и великой княгини не стало; Государь нынешний мал остался, а бояре живут в своей воле, и от них великое насилие, управы в Земле никому нет, между боярами самими вражда, и уехал я от великого мятежа и безгосударства».

Сам Иван Шуйский был совершенно неспособен к ведению государственных дел, но отличался большой спесью, грубостью и крайней алчностью. «По смерти матери нашей Елены, – вспоминал впоследствии Иоанн в переписке своей с князем Курбским, – остались мы с братом Юрием круглыми сиротами; подданные наши хотение свое улучили, нашли Царство без правителя: об нас, Государях своих, заботиться не стали, начали хлопотать только о приобретении богатства и славы, начали враждовать друг с другом. И сколько зла они надедали! Сколько бояр и воевод, доброхотов отца нашего умертвили! Дворы, села и имения дядей наших взяли себе и водворились в них! Казну матери нашей перенесли в большую казну, причем неистово ногами пихали ее вещи и спицами кололи; иное и себе побрали... Нас с братом Георгием начали воспитывать как иностранцев или нищих. Какой нужде не натерпелись мы в одежде и в пище: ни в чем нам воли не было, ни в чем не поступали с нами так, как следует поступать с детьми. Одно припомню: бывало, мы играем, а князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, локтем опершись о постель нашего отца, ногу на нее положив. Что сказать о казне родительской? Все расхитили лукавым умыслом, будто детям боярским на жалованье, а между тем все себе взяли; и детей боярских жаловали не за дело... Из казны отца нашего и деда наковали себе сосудов золотых и серебряных и написали на них имена своих родителей, как будто это было наследственное добро; а всем людям ведомо: при матери нашей у князя Ивана Шуйского шуба была мухояровая, зеленая на куницах, да и те ветхи: так если бы у них было отцовское богатство, то чем посуду ковать, лучше бы шубу переменить. Потом на города и на села наскочили и без милости пограбили жителей, а какие напасти от них были соседям, исчислить нельзя... везде были только неправды и нестроения, мзду безмерную отовсюду брали, все говорили и делали по мзде».

Эти воспоминания Иоанна вполне соответствуют действительности. Угодники Ивана Шуйского, назначенные им наместниками в городах, «свиристествовали, как львы», по словам летописца, и самым бессовестным образом грабили и утесняли жителей.

Вместе с тем «мы были, – говорит Н.М. Карамзин, – жертвой и посмешищем неверных: хан Крымский давал нам законы, царь Казанский нас обманывал и грабил. Саип-Гирей задержал гонца, направленного из Москвы к Молдавскому государю, и писал Иоанну: "... У меня больше ста тысяч рати: если возьму в твоей Земле по одной голове, то сколько твоей Земле убытка будет, а сколько моей казне прирбытка? Вот я иду; ты будь готов: я украдкой не иду. Твою Землю возьму; а ты захочешь мне зло сделать – в моей Земле не будешь". На это дерзкое письмо из Москвы было отправлено к Саип-Гирею большое посольство с богатыми дарами и согласием не вмешиваться в дела Казани, откуда Сафа-Гирей не переставал производить разбойнические нападения в областях Нижнего, Балахны, Муромы, Владимира, Костромы, Галича,

Устюга, Вологды, Вятки и Перми, производя опустошения хуже, чем Батый во время своего нашествия».

«И кто бы тогда изреши может беды сия... паче Батыя», – говорит летописец, так как Батый, по его словам, прошел молнией по Русской земле, казанцы же не выходили из ее пределов и лили кровь, как воду. Беззащитные жители укрывались в лесах и пещерах, тогда как татары «великие монастыри и святые церкви оскверниша лежаще и спяще... и святые образа секирами рассекающе...».

«Что же делали правители Государства – Бояре? – вопрошает Карамзин: – Хвалились своим терпением перед ханом Саип-Гиреем, изъясняясь, что Казанцы терзают Россию, а мы в угодность ему не двигаем ни волоса для защиты своей Земли. Бояре хотели единственно мира и не имели его».

К большому для нас счастью, перемирие с Литвой еще продолжалось, и окончательно одряхлевший Сигизмунд I мечтал только о том, чтобы в покое дожить свой век; иначе же и Литва, конечно, не упустила бы случая напасть на нас.

Описанное выше позорное поведение Ивана Шуйского возбудило против него его же ставленника, митрополита Иосафа. Этот старец, без сомнения, вспоминая с горечью в сердце недавние славные времена Московского государства, решился в 1540 году на смелый шаг: он стал печаловаться в Боярской думе перед 10-летним великим князем о прощении князя Ивана Бельского и, поддерживаемый боярами, державшими сторону Бельского, успел выхлопотать его освобождение.

Видя торжество своих противников, Иван Шуйский в гневе устранился от дел и перестал присутствовать в думе; власть же перешла в руки Бельского, после чего дела приняли тотчас же другой оборот: князь Иван Бельский никого не преследовал и не заточал; напротив, вместе с митрополитом Иосафом он ходатайствовал об освобождении из заключения жены умершего в темнице дяди великого князя Андрея Иоанновича Старицкого и его малолетнего сына Владимира. Затем для прекращения алчных вымогательств воевод и наместников, так развившихся во время Ивана Шуйского, правительство стало выдавать в большом количестве так называемые губные грамоты горожанам, пригородам и волостям; грамотами этими самим жителям давалось право выбирать из боярских детей губных старост и голов для разбора всех душегубных дел и для ловли разбойников и татей. Эти же губные головы вместе с земскими присяжными людьми, или *целовальниками* (целовавшими крест при вступлении в свои обязанности), приводили в исполнение и приговоры по уголовным делам. Наконец правительство во главе с Иваном Вельским решило дать отпор и татарам.

Против Сафа-Гирея Казанского, стоявшего под Муромом, была выслана рать; услышав о ее движении, он поспешил вернуться в Казань. Это было зимой 1540 года, а летом 1541 года от наших степных сторожей, или станичников, пришла на Москву весть, что Саип-Гирей Крымский идет со всей ордой, оставя дома только детей и старцев; шло тысяч 100, если не больше, причем и турецкий султан прислал крымцам в помощь свой отряд с артиллерией; наш изменник, князь Семен Вельский, служил татарам путеводителем.

Вид Казани в XVII веке

Но московские полки, в предвидении этого похода, еще с весны были собраны у Коломны на левом берегу Оки. Сюда же приезжал их осматривать и 11-летний государь.

При вести о движении хана со всей ордой юный Иоанн вместе с братом Юрием со слезами молился в Успенском соборе пред иконою Владимирской Божией Матери и ракою святого Петра Чудотворца. Затем, призвав митрополита в думу, он предложил вопрос: где ему быть ввиду приближения врага: оставаться ли в Москве или удалиться? После обсуждения митрополит и бояре приговорили: «Ввиду малых лет великого князя ему оставаться в Москве, надеясь на милость Божию, покровительство Пречистой и московских угодников».

Столица, при общем одушевлении жителей, стала деятельно готовиться, чтобы выдержать крепкую осаду; в войска же на Оку великий князь послал грамоту, в которой требовал, чтобы между воеводами не было розни, а когда крымцы переправятся за Оку – то чтобы они за святые церкви и за православных христиан крепко постояли, с царем Саипом дело делали бы, а он, великий князь, рад жаловать не только их, но и детей их; которого же Бог возьмет, того он велит в помянник записать, а жен и детей будет жаловать. Прочтя эту грамоту, воеводы умилились душою, прослезились и решили все умереть за государя; у которых же между собой распри были, те просили смиренно друг у друга прощения. Когда грамота великого князя была сообщена войскам, то ратные люди отвечали: «Рады государю служить и за христианство головы положить; хотим с татарами смертную чашу пить».

Между тем Саип-Гирей быстро двигался, но не смог взять Зарайска благодаря храброй защите воеводы Нестора Глебова; хан подошел к Оке 30 июля 1541 года и, готовясь к переправе, открыл огонь из пищалей и пушек. Встретя, однако, сильный отпор и видя огромное количество русских, он со стыдом побежал назад, выразив свой гнев Семену Вельскому, обещавшему ему легкий успех, и оставив в наших руках часть турецких пушек. Это были первые взятые нами турецкие орудия, которые в последующих столетиях русские доблестные войска брали в огромном количестве.

После отступления татары подошли к городу Пронску; Саип-Гирей обступил его и хотел непременно взять. Но в Пронске начальствовал храбрый Василий Жулебин. Он с презрением отверг предложение сдаться, а для защиты города вооружил всех граждан и женщин.

Видя непреклонную решимость Жулебина защищаться и узнав о приближении высланных для преследования татар князей Микулинского и Серебряного, Саип побежал дальше.

Конечно, вся Москва радостно встретила весть о поспешном бегстве крымцев, и малолетний великий князь щедрой рукой сыпал милости воеводам и ратным людям.

Светлые дни, наступившие после перехода власти в руки Ивана Вельского и митрополита Иосафа, продолжались недолго. Скоро против них составил заговор во главе с Иваном Шуйским, которому Вельский не только оставил свободу, но даже дал воеводство во Владимире. Здесь Шуйский вступил в сношения со многими боярскими детьми и со своими сторонниками, которых особенно много было среди новгородцев, так как в Новгороде в последние дни его вольности сидел приглашенный его жителями князь Шуйский-Гребенка, почему потомки этих вольных новгородцев и сохранили особую преданность роду Шуйских. И вот, собрав 300 надежных всадников, Иван Шуйский поручил их своему сыну Петру, который ночью 3 января 1542 года внезапно появился в Кремле, произведя там ужасную тревогу; заговорщики схватили Ивана Вельского и посадили его в тюрьму, а также и верных его друзей Хабарова и князя Щенятева, взятого в самой палате государя. Митрополит Иосаф был разбужен камнями, которые стали кидать в его келью; он бежал во дворец и хотел спрятаться в спальне великого князя; но наглые заговорщики ворвались и сюда, приведя в ужас Иоанна, после чего Иосаф был увезен в Троицкое подворье, где его чуть не убили новгородцы; затем он был сослан в Кирилло-Белозерский монастырь. Вельский был тоже сослан на Белоозеро и через 3 месяца умерщвлен по приказанию Шуйского; на место же Иосафа был поставлен Новгородский владыка, уже знакомый нам архиепископ Макарий.

Иван Шуйский, вернувшись вторично ко власти, недолго пользовался ею, так как скоро сильно заболел; важнейшим из дел, совершенных за это время, было заключение нового перемирия с Литвой на семь лет, с 1542 по 1549 год.

Власть от заболевшего Ивана Шуйского перешла к трем его родственникам, князьям Ивану и Андрею Михайловичам Шуйским и Феодору Ивановичу Скопину-Шуйскому, людям корыстным и властолюбивым, причем особой властью отличался князь Андрей Шуйский.

Этим новым временщикам, конечно, должны были быть крайне неприятны все люди, к которым имел склонность подрастающий государь; и вот 9 сентября 1543 года они вместе с другими своими приспешниками стали нападать в думе в присутствии великого князя и митрополита на любимца Иоаннова Феодора Семеновича Воронцова, обвиняя его во многих преступлениях; затем они вскочили, как неистовые, силою вытащили его в другую комнату, стали там мучить и хотели тут же убить. Взволнованный государь просил митрополита спасти несчастного, и только благодаря настоянию святителя и бояр Морозовых Шуйские, как бы из милости к Иоанну, обещали оставить Воронцову жизнь, но били его, а затем заключили в тюрьму. Иоанн просил их вторично, если нельзя оставить его любимца в Москве, то хоть послать на службу в Коломну, но государя не послушали, и Воронцов был сослан в Кострому; эти переговоры за Воронцова вел от имени великого князя митрополит Макарий, причем ему пришлось вынести от Шуйских немало оскорблений; один из их сторонников, Фома Головин, споря с Макарием, в знак презрения даже наступил ему на мантию и изодрал ее ногами.

Торжество Шуйских продолжалось после этого возмутительного насилия над Воронцовым, совершенного с полным пренебрежением к личности государя, до 29 декабря 1543 года. В этот день Иоанн, еще не достигший 14-летнего возраста, встал во время заседания думы и, неожиданно для всех, твердым и властным голосом начал перечислять вины и беззакония временщиков, захвативших власть, а затем приказал схватить главнейшего из виновных – князя Андрея Шуйского – и передать его в руки псарям, чтобы отвести в тюрьму. Но псари переусердствовали и по дороге убили Шуйского. Его же сообщников, Феодора Скопина, Фому Головина и других, разослали по разным местам.

«С той поры, – говорит летописец, – начали бояре от государя страх иметь и послушание».

Конечно, Иоанн, умный и впечатлительный от природы ребенок, оставленный после смерти матери без всякого призора и постоянно оскорбляемый в своих лучших чувствах, должен был уже с самого раннего детства задумываться над своим положением: во время приема послов и при других торжественных случаях ему оказывались величайшие почести, но в обыденной обстановке он видел, что бояре, оказывавшие ему такое почтение при народе, обращались с ним в высшей степени пренебрежительно. Рано выучившись грамоте и проявив к ней большие способности, государь, по-видимому, уже с детства стал охотно читать Священное Писание, русские летописи, Римскую историю, Творения Святых Отцов и с жадностью искал в них ответы на мучивший его вопрос о том, что же собственно такое государь великой державы, какие его права и как к нему должны относиться другие люди?

Конечно, он задавал эти вопросы и окружающим его боярам, захватившим власть в свои руки; они же вместо того, чтобы стараться воспитывать в своем повелителе те душевные свойства, которые столь необходимы правителям, и посвящать его в трудное дело устройства государства, как это делали старые доблестные московские бояре времен Димитрия Иоанновича Донского, старались, наоборот, отвлечь его внимание в другую сторону и потакали развитию в нем любви ко всякого рода забавам, не исключая и самых жестоких. «Егда же начал приходити в возраст, аки лет в дванадесять, – говорит про малолетство Иоанна его современник князь Андрей Курбский, – начал первее бессловесных (животных) крови проливати, с стермнин высоких мечуше их (...с крылец або с теремов), також и иные многия неподобныя дела творити...». Когда же Иоанн приблизился к 15-му году, продолжает Курбский, то принялся и за людей. Собрав вокруг себя толпу знатных детей-подростков, он начал с ними носиться верхами на конях по площадям и улицам «и всенародных челоуеков, мужей и жен, бити и грабити, скачуше и бегающе всюду неблагочинне. И воистину дела разбойническакия самыя творяше и иныя злыя исполняше, их же не токмо глаголати излишно, но и срамно...». Ласкатели же все это на свою беду восхваляли, говоря: «О! Храбр будет этот царь и мужественен!» Таково было боярское воспитание.

Разумеется, оно вместе с чувством глубокой обиды за наносимые оскорбления как ему, так и памяти родителей должно было развить в Иоанне большую сердечную жесткость и неуважение к человеческой личности; внезапные же и страшные потрясения, которым Иоанн стал подвергаться смолоду, когда от него насильно отторгали преданных ему лиц, причем, как мы видели, врывались для этого даже ночью в его покои, несомненно, должны были развить в нем крайнюю подозрительность и чрезвычайную раздражительность и гневливость, тем более что и по природе своей он отличался большой впечатлительностью.

С падением Шуйского власть перешла в руки князей Михаила и Юрия Глинских, родных дядей государя, людей так же неспособных к государственным делам, но тоже корыстных и жестоких. Под их влиянием последовала опала князей Кубенских, Петра Шуйского, Александра Горбатого, князя Палецкого и других.

При этом обращает на себя внимание, что Иоанн весьма быстро подвергал людей опале, но так же весьма быстро и снимал ее. По убиении царями князя Андрея Шуйского любимец государя Феодор Воронцов был, конечно, тотчас же возвращен из ссылки; скоро он стал думать, как бы занять положение Андрея Шуйского; но опала неожиданно постигла и его, вероятно, под влиянием дядей государевых; впрочем, она продолжалась недолго, и по ходатайству митрополита Макария в декабре 1545 года Воронцов был прощен вместе с другими князьями.

Однако в мае следующего 1546 года этому же Феодору Воронцову пришлось сложить свою голову на плахе. Готовясь отразить нападение крымцев, Иоанн отправился к войску в Коломну; выехав погулять за город со своими приближенными, он был остановлен отрядом новгородских пищальников, которые стали ему о чем-то бить челом. Иоанн не был расположен выслушивать это челобитье и приказал своим боярским детям их отослать.

Как было исполнено это приказание, неизвестно, но пищальники начали кидать в посланных своими колпаками и грязью; те отвечали им, и скоро начался настоящий бой, причем человек десять с обеих сторон были убиты; конечно, это произвело сильное впечатление на Иоанна, тем более что в разгаре свалки его не пропустили проехать к стану, и он вынужден был сделать окружный объезд. Разгневанный этим происшествием, которое легко можно было принять за настоящее возмущение, он послал близкого к себе дьяка Василия Захарова исследовать сущность дела. Захаров донес, и притом, по словам летописца, ложно, что пищальников подучили бояре: князь Кубенский да двое Воронцовых, Феодор и Василий. Известие это привело Иоанна в чрезвычайную ярость, и он тотчас же приказал виновным отрубить головы.

Так шла юность Иоанна – 15-й, 16-й и 17-й годы.

Предоставляя правление государством Боярской думе с Глинскими во главе, он был занят постоянными разъездами по своим владениям, то для осмотра войск, то по монастырям, то на охоту; но делами во время этих поездок не занимался. «Государь наш князь великий Иоанн Васильевич был в Великом Новгороде и с своим братом князем Юрием, – пишет летописец против 1548 года, – да и во Пскове был в вотчине другую ночь на Вороночи был, а третью ночь был у Пречистей на Печорах, паки во Пскове в среду, и быв немного, и поеде к Москвы... а князь Юрьи брат его оста, и той быв немного и поеде и той к Москве, а не управив своей отчины ничего; а князь великий все гонял на мсках (ямских лошадях), а христианам много протор и волокиты учинили».

С Литвой за эти годы, ввиду перемирия, не было никаких дел. Крымцы же, после понесенного поражения 1541 года, продолжали тревожить московские границы; они были успешно отражаемы вплоть до 1544 года, когда татарам удалось увести из наших пределов большой полон, так как воеводы, высланные против них, князья Щенятев, Шкурлятев и Воротынский, рассорились между собою.

После этого успеха Саип-Гирей дерзко писал Иоанну: «Король (польский) дает мне по 15 000 золотых ежегодно, а ты даешь меньше этого; если по нашей мысли дашь, то мы помиримся, а не захочешь дать, – захочешь заратиться – и то в твоих же руках; до сих пор ты был молод, а теперь уже в разум вошел, можешь рассудить, что тебе прибыльнее и что убыточнее». Получив это письмо, Иоанн рассудил прервать сношения с Крымом и вместе с тем направить свои силы для овладения Казанью, которая после поражения Саип-Гирея в 1541 году присмирела.

В 1545 году государь объявил поход на Казань. Отряд князя Семена Пункова пошел водой на стругах; князь Василий Серебряный шел из Вятки, а воевода Лыков из Перми. Пунков и Серебряный сошлись под Казанью в один день и час, как будто вышли с одного двора, и удачно опустошили ее окрестности, за что Иоанн щедро наградил всех участников похода; воевода же Лыков пришел позднее, потерпел неудачу и был убит.

Таким образом, этот поход был сам по себе незначительным, но он обострил и без того сильную борьбу сторон в Казани. Сафа-Гирей стал подозревать московских доброхотов, говоря им: «Вы приводили воевод московских», и начал их избивать. Тогда многие из казанских вельмож приехали в Москву и просили Иоанна опять послать свою рать к Казани, обещая выдать Сафа-Гирея и его крымцев. Государь согласился и зимой отправился во Владимир, где получил известие, что с января 1546 года Сафа-Гирей уже изгнан из Казани. Тогда боярин князь Дмитрий Вельский¹ посадил там царем, по желанию московской стороны, нашего старого знакомого Шиг-Алея. Однако не успел Вельский выехать из города, как в Казани снова восторжествовала крымская сторона; Сафа-Гирей появился на Каме, а Шиг-Алей бежал, чтобы отдаться под покровительство великого князя. Вернувшись в Казань, Сафа-Гирей стал, разумеется, избивать всех предводителей противной себе стороны; успевшие же бежать спешили искать себе спасения в Москве и вновь просить защиты против Сафа-Гирея. Через несколько месяцев и подвластная казанцам горная черемиса прислала бить челом Иоанну, чтобы он послал свои войска на Казань, обещая идти вместе с его полками. По этим челобитьям были высланы наши полки, успешно повоевавшие Казанские владения вплоть до устья реки Свияги.

Между тем Иоанн приближался к 17-му году своей жизни. 13 декабря 1546 года он призвал к себе митрополита Макария и долго с ним беседовал. Макарий вышел от него с веселым лицом, отпел молебен в Успенском соборе и послал за боярами, даже и за опальными, и вместе с ними был опять у государя. Бояре вышли от него, выражая так же, как и митрополит, на своих лицах радость.

---

¹ Этот князь Дмитрий Вельский, родной брат изменника князя Семена и князя Ивана, убитого по приказанию Шуйского, замечателен тем, что отличался необыкновенно ровным, осторожным нравом, никогда не принимая участия ни в каких крамолах, а потому удержал свое положение при всех многочисленных переменах во время царствования Иоанна.

Ф. Солнцев. Панагия патриарха Иоасафа

Святейший патриарх Московский Иоасаф. Царский титулярник

Через три дня был назначен большой съезд митрополиту и всем знатным лицам к великокняжескому двору. Когда все собрались, то Иоанн, помолчав немного, сказал, обращаясь к Макарию, следующее:

«Уповая на милость Божию и Пречистую его мать и святых заступников Петра, Алексия, Ионы и прочих чудотворцев земли Русской, имею намерение жениться; ты, отче, благословил меня. Первою моею мыслию было искать невесты в иных царствах; но, рассудив основательнее, отлагаю эту мысль. Во младенчестве лишенный родителей и воспитанный в сиротстве, могу не сойтись нравом с иноземкой, и не будет у нас счастья; и вот я решил жениться в своем государстве, по воле Божией и по твоему благословию».

Митрополит и бояре, говорит летописец, слыша эти слова, заплакали от радости. Затем Иоанн, опять обращаясь к ним, продолжал: «По твоему, отца моего, митрополита, благословию и с вашего боярского совета я хочу перед женитьбой, по примеру наших прародителей и сродника нашего, великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха, который был венчан на царство, также исполнить тот чин венчания на царство и сесть на великое княжение. И ты, отец мой, Макарий-митрополит, благослови меня совершить это».

Это венчание на царство последовало ровно через месяц, 16 января 1547 года. Утром государь вышел в столовую комнату и передал своему духовнику на золотом блюде Животворящий Крест, царский венец и бармы Владимира Мономаха, которые были торжественно перенесены в Успенский собор. Туда же, сопровождаемый всеми вельможами, проследовал затем и Иоанн; он приложился к иконам, отслушал молебен, поднялся по 12 ступенькам на амвон посреди храма и сел на приготовленное здесь место, одетое золотыми паволоками; рядом с ним, на таком же месте, расположился митрополит. Затем Иоанн и Макарий встали; архимандрит передал последнему крест, бармы и венец; митрополит возложил их на государя, громко произнося слова молитвы, чтобы Господь оградил его силою Святого Духа, посадил его на престол добродетели, даровал ему ужас для строптивых и милостивое око для послушных. После этого певчие пропели многолетие нововенчанному царю. При выходе же из церкви, в дверях и на лестнице, князь Юрий Васильевич осыпал старшего брата золотыми деньгами из мисы, которую нес Михаил Глинский.

Святейший патриарх Московский Иосаф Царский титулярник

Таким образом венчался на царство великий князь московский, и с тех пор во всех сношениях своих он уже стал именоваться царем. В этом звании утвердил его и Константинопольский патриарх Иосаф соборной грамотою 1561 года, подписанной 36 греческими митрополитами и епископами, в которой говорилось: «Не только предания людей достоверных, но самые летописи свидетельствуют, что нынешний властитель Московский происходит от незабвенной Царицы Анны, сестры Императора Багрянородного, и что митрополит Ефесский, уполномоченный для того Собором Духовенства Византийского, венчал Российского великого князя Владимира на Царство».

Вслед за венчанием на царство последовал 3 февраля и брак Иоанна. Еще в декабре по всем областям было разослано приказание – всех незамужних дочерей князей и боярских детей вести на смотр наместников. Выбор государя остановился на девушке одного из самых знатных и благородных боярских родов, знаменитого своею преданностью московским государям и непричастностию к боярским крамолам, – на Анастасии Романовне Захарьиной-Кошкиной, дочери умершего окольникыего Романа Юрьевича Захарьина – близкого и преданного человека отцу Иоанна, помогавшему Василию III на смертном одре творить последнее крестное знамение.

Выбор государя оказался чрезвычайно удачным: помимо большой красоты, юная царица отличалась замечательной сердечной добротой, умом и большой привязанностью к своему супругу.

После свадьбы молодая чета, прервав пиры, отправилась пешком, несмотря на суровую зиму, в Троице-Сергиеву лавру и провела там первую неделю Великого поста, усердно молясь над гробом святого Сергия.

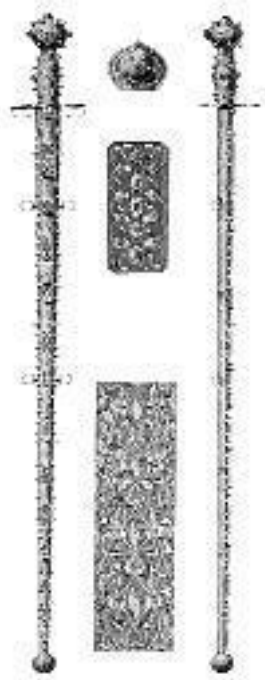
Иоанн горячо полюбил свою молодую жену, но ее благотворное влияние на его пылкий раздражительный нрав стало сказываться не сразу. Для этого потребовались особые обстоятельства; пока же управление государством по-прежнему оставалось в руках Глинских и их сторонников, позволявших себе всякие неправды, а Иоанн, несмотря на смиряющее влияние Анастасии, продолжал подвергаться при случае припадкам страшного гнева.

12 апреля вспыхнул в Москве большой пожар: сгорели все лавки в Китай-городе и множество домов; затем взлетела на воздух высокая башня с порохом и запрудила реку кирпичами; 20 апреля случился другой сильный пожар. Молодой царь, по-видимому, не особенно скорбел о народном бедствии. 3 июня того же 1547 года к нему явилось в село Островку 70 человек псковичей с жалобами на воеводу князя Пронского, приятеля Глинских, непомерно угнетавшего их.

Эта жалоба, напомнившая, вероятно, жалобу новгородских пищальников, возбудила страшный гнев Иоанна; он приказал пытать прибывших псковичей и готов уже был отдать распоряжение о их казни, как из Москвы неожиданно пришла весть, что упал большой колокол-благовестник. Встревоженный этим недобрым знамением, царь поспешил в город, и псковичи избегли своей участи.

Вслед за тем 21 июля во время страшной бури вспыхнул новый, еще невиданный на Москве пожар; он начался на Арбате, но затем огонь быстро перекинулся в Кремль и Китай-город и с ужасной силой начал все пожирать. «Вся Москва, – говорит Н.М. Карамзин, – представляла зрелище огромного пылающего костра под тучами густого дыма. Деревянные здания исчезали, каменные распадались, железо рдело, как в горниле, медь текла. Рев бури, треск огня и вопль людей от времени до времени был заглушаем взрывами пороха, хранившегося в Кремле и в других частях города. Спасали единственно жизнь; богатство, праведное и неправедное, гибло. Царские палаты, казна, сокровища, оружие, иконы, древние грамоты, книги, даже мощи святых истлели. Митрополит молился в храме Успения, уже задыхаясь от дыма; силою вывели его оттуда и хотели спустить на веревке с тайника к Москве-реке; он упал, расшибся и едва живой был отвезен в Новоспасский монастырь». Из собора вынесли только образ Успенья Божией Матери, писанный святым митрополитом Петром, и Кормчую книгу; славная же Владимирская икона оставалась на месте; к счастью, огонь не проник во внутренность церкви. Пожар утих в три часа ночи, обратив почти весь город в пепел и развалины. Сгорело 1700 человек, не считая младенцев.

Во время пожара Иоанн удалился с супругой за Москву-реку в село Воробьево. На следующей день он навестил едва не сгоревшего и сильно расшибленного митрополита Макария в Новоспасском монастыре. Здесь князь Феодор Скопин-Шуйский, Иван Челяднин, некоторые другие бояре и царский духовник, протопоп Благовещенского собора Феодор Бармин стали говорить, что Москва сгорела волшебством; какой-то чародей вынимал человеческие сердца, мочил их в воде и затем кропил ею город, после чего и поднялся пожар. Царь придал этому веру и приказал произвести розыск. Розыск был произведен через два дня следующим образом: бояре приехали в Кремль на площадь и спросили окружавшую их толпу: «Кто сжег Москву?» Тогда из толпы послышались голоса: «Глинские! Глинские! Мать их княгиня Анна вынимала сердца из мертвых, клала в воду и кропила ею все улицы, езда по Москве. Вот отчего мы сгорели».

Нет сомнения, разумеется, что весь рассказ об этих вынутых сердцах и ответы из толпы были подстроены боярской партией, недовольной господством Глинских. Сама княгиня Анна, бабка государя, с сыном Михаилом находилась в отъезде в своем поместье, но другой ее сын Юрий был на площади, слышал это нелепое обвинение и ужаснулся, увидя ярость черни. Он кинулся, чтобы спастись, в Успенский собор, но освирепевший народ бросился за ним, и родной дядя государя был убит тут же, в храме Божьем. Затем чернь начала грабить двор Глинского, причем было убито множество его слуг и других людей; бояре же, видя эти неистовства, ничего не предпринимали, как будто в Москве не было в это время никакой власти. Мало того, они, очевидно, решили, что надо непременно освободиться и от всех остальных Глинских, так как на третий день после описанных убийств, вероятно, по их наущению, огромная толпа народа двинулась к селу Воробьеву, остановилась перед царским дворцом и стала требовать выдачи ей бабки государевой, княгини Анны Глинской, и ее сына князя Михаила, спрятанных будто бы в царских покоях.

Молодой Иоанн, однако, не потерялся. Он приказал схватить несколько главных крикунов и тут же казнить их, после чего мятеж тотчас же утих, и толпа отхлынула в Москву.

Узнав об этом происшествии, Михаил Глинский, бывший с матерью в деревне, хотел бежать в Литву, но был по дороге захвачен и затем заключен под стражу; его скоро простили; однако после описанных происшествий господство Глинских окончилось. Вместе с тем окончилось и своеволие бояр.

Последний пожар московский, убиение князя Юрия Глинского и вид мятежной толпы у самого дворца государева, требовавшей выдачи его бабки и дяди, сильно подействовали на впечатлительного Иоанна. Он решил править своим государством самостоятельно, как подобает самодержавному царю. Конечно, в этом решении он нашел полную поддержку как со стороны нежно любящей жены, так и в маститом старце митрополите Макарии, бывшем ему истинным отцом.

При этом Иоанн, окончательно разочаровавшись в старых боярах, стал заметно отличать двух, до той поры мало кому известных, но близких ему людей, которым он вполне доверял. Один из них был молодой Алексей Адашев, человек незначительного происхождения, занимавший должность царского постельничего, а другой был священник Благовещенского собора, именем Сильвестр; надо думать, что государь давно уже знал его с хорошей стороны; этот Сильвестр был очень дружен с двоюродным братом Иоанна – Владимиром Андреевичем Стариком, который не замедлил сблизиться с Иоанном после своего освобождения из темницы.

Скоро последовали две свадьбы в царской семье. Иоанн женил своего родного брата Юрия на княжне Ульяне Паленкой, а Владимира Андреевича Старицкого на девице Евдокии Нагой.

Дружба между Иоанном, Юрием и Владимиром Андреевичем была в это время так велика, что на важных правительственных грамотах писалось: «Царь и великий князь со своею братиею и бояры уложили».

Затем Иоанн решил лично выступить в поход против Казани, чтобы наказать или изгнать нашего непримиримого врага Сафа-Гирея. Он выехал в декабре 1547 года из Москвы во Владимир и приказал везти туда же пушки. Зима была теплая, и вместо снега шел дождь; поэтому, когда 2 февраля 1548 года государь выступил из Нижнего, то лед на Волге покрылся водой и много пищалей и пушек провалилось; поневоле пришлось ограничиться отправлением под Казань лишь нескольких легких отрядов. Сам же Иоанн вернулся в Москву в больших слезах, что не сподобил его Бог совершить похода.

В марте 1549 года пришла на Москву весть о смерти Сафа-Гирея; будучи пьяным, он умывал лицо, упал и разбил себе голову до мозга; по оставленному им завещанию Казанское царство досталось его двухлетнему сыну Утемиш-Гирею под опекою матери, дочери ногайского князя Юсуфа, красивой, умной и властной ханши Суюнбеки, бывшей ранее замужем за царем Еналеем.

В ноябре 1549 года Иоанн предпринял второй поход на Казань и лично явился под ее стенами; но первый приступ был неудачен, а наступившая в феврале 1550 года сильная оттепель и порча дорог вновь заставили нас отойти. На этот раз, однако, при отступлении было сделано важное *дело*: государь остановился на устье Свияги и здесь заложил новую крепость – *Свияжск*, подобно тому, как при отце его, Василии, был заложен Васильсурск. Свияжск, расположенный всего в 20 верстах от Казани, должен был иметь огромное значение для овладения Казанью в будущем. Здесь могли храниться пушки и все огнестрельные припасы, и сюда же должны были собираться войска и продовольствие при наступлении к Казани. Вместе с тем построение Свияжска отрезало Казань от ее западных областей, лежащих на правом берегу Волги и населенных чувашами, мордвой и воинственной горной черемисой.

Н. Кошелев. Сильвестр и Адашев

По возвращении в Москву государь, посоветовавшись с митрополитом Макарием и, вероятно, с Сильвестром и Адашевым, решил собрать собор от всей земли.

«Когда Царь и великий князь Иоанн Васильевич, – говорится в записи, составленной по этому поводу, – достиг двадцатилетнего возраста, то, видя государство свое в великой скорби и печали от насилия и неправды, советовался с отцом своим Макарием-митрополитом, как прекратить крамолы и утолить вражду; после чего повелел собрать из городов людей всякого чину».

В воскресный день после обедни государь и митрополит вышли с крестным ходом на площадь, на Лобное место, где были собраны все чины собора и множество народа. Отслужили молебен. После него Иоанн, обращаясь к митрополиту, сказал громким голосом: «Молю тебя, святой владыко, будь мне помощником и любви поборником; знаю, что ты добрых дел и любви желатель. Знаешь сам, что я после отца своего остался четырех лет, после матери восьми; родственники обо мне не брегли, а сильные мои бояре и вельможи обо мне не радели и самовластны были, сами себе саны и почести похитили моим именем и во многих корыстях, хищениях и обидах упражнялись, а я был глух и нем по своей юности и неразумию. О неправедные лихоимцы и хищники и судьи неправедные! Какой теперь дадите нам ответ, что многие слезы воздвигли на себя? Я же чист от крови сей, ожидайте воздаяния своего!» Затем государь поклонился во все стороны и продолжал, обращаясь к народу: «Люди Божий и нам дарованные Богом! Молю вашу веру к Богу и к нам любовь. Теперь нам ваших обид, разорений и налогов исправить нельзя вследствие продолжительного моего несовершеннолетия, пустоты и беспомощности, вследствие неправд бояр моих и властей, бессудства неправедного, лихоимства и сребролюбия; молю вас, оставьте друг к другу вражду и тяжбу, кроме разве очень больших дел; в этих делах и в новых я сам буду вам, сколько возможно, судья и оборона, буду неправды разорять и похищенное возвращать».

Разумеется, народ с величайшим вниманием слушал необычную речь своего молодого царя, и весть о ней принималась всюду с восторгом.

В тот же день Иоанн пожаловал Адашева в окольные, сказав ему при этом:

«Алексей! Взял я тебя из нищих и самых незначительных людей. Слышал я о твоих добрых делах и теперь взыскал тебя выше меры твоей, для помощи души моей; хотя твоего желанья и нет на это, но я пожелал, и не одного тебя, но и других таких же, кто бы печаль мою утолил, и на людей, врученных мне Богом, призрел. Поручаю тебе принимать челобитья от бедных и обиженных и разбирать их внимательно. Не бойся сильных и славных, похитивших почести и губящих своим насилием бедных и немощных; не смотри и на ложные слезы бедного, клеветующего на богатых, ложными слезами хотящего быть правым: но все рассматривай внимательно и приноси к нам истину, боясь суда Божия; избери судей правдивых от бояр и вельмож».

М. Авилов. Царевич Иван на прогулке

Так окончил Иоанн этот знаменательный для него и для его подданных день.

Всем было ясно, что время боярского самовластия окончательно миновало, хотя дума Боярская, разумеется, осталась, причем, кроме думных бояр и думных дьяков, в состав ее уже во время детства Иоанна входило также известное число окольных, думных дворян и детей боярских.

К величайшему сожалению, до нас не дошло точных сведений о том, каков был состав Земского собора 1550 года и чем именно он занимался. Мы знаем только, что, созвав в следующем 1551 году Церковный собор, получивший название Стоглава, по числу глав, в которых были выражены его решения, Иоанн сказал при его открытии, что заповедь его на прошлогоднем соборе всем боярам, приказным людям и кормленщикам – помириться «со всеми хрестьяны» своего царства в срок – уже исполнена. Затем он тут же предложил владыкам утвердить новый Судебник, составленный на прошлогоднем соборе, на основании старого Судебника Иоанна III 1497 года, а также и уставную грамоту, касающуюся некоторых законодательных вопросов.

Из этого следует, что на соборе 1550 года было положено начало ряду крупных преобразований, разработка которых продолжалась несколько лет.

Мы видели, что в Московском государстве за службу военно-служилому сословию, кроме пожалования поместий и вотчин, а также и денежного оклада, существовало назначение боярам городов на кормление, в которых эти кормленщики, разбирая судебные дела населения, брали в свою пользу все причитающиеся пошрины. Мы видели также, что вследствие страшных злоупотреблений воевод и волостелей, поставленных боярами за время малолетства Иоанна, всякого рода поборы и лихоимство развились до огромных размеров. Чтобы ослабить их, во время краткого правления князя Ивана Вельского правительство стало в большом числе раздавать населению губные грамоты, причем на выборных самим населением губных старост и целовальников возлагались обязанности вести все уголовные дела, отпадавшие, стало быть, от суда кормленщиков.

Мера эта оказалась удачной: «и бысть крестьяном радость и льгота от лихих людей» и «была наместникам нелюбка велика на крестьян», – говорит летописец. Ввиду этого вся законодательная деятельность правительства Иоанна после созыва Земского собора 1550 года была направлена к расширению деятельности губного управления и вообще земства. Скоро губным

старостам была поручена, кроме разбойных дел, татьба, или воровство, а затем было решено и вовсе отменить кормленщиков, назначая вперед военно-служилым людям в вознаграждение за службу только землю или денежное жалованье; их же обязанности по земскому управлению постановлено было передать людям, избранным самим земством; для этого во всех городах и волостях были учреждены излюбленные старосты, или выборные судьи, избираемые обществом; эти выборные старосты вместе с несколькими также выборными целовальниками (присяжными) должны были судить «беспосульно (без взяток) и безволочитно» те дела, которые не входили в ведение губных старост, стало быть – все тяжбы, а также и менее значительные уголовные. Вместе с тем на излюбленных старост была возложена обязанность собирать с населения оброк, или откуп, в государеву казну, установленный взамен поборов кормленщиков, которым уже само государство платило за службу. Излюбленные старосты с целовальниками вели все дела за мирской порукой под угрозой строгого наказания; за неумелое же или недобросовестное ведение дел полагалась смертная казнь «без отпросу» – с отобранием в казну всего имущества.

Вслед за созданием излюбленных старост, для собирания *доходов* государству от рыбных и соляных промыслов, питейного дела, таможенных сборов и прочих, земские общества обязаны были выбирать из своей среды или ставить по назначению правительства верных или присяжных голов и целовальников, которым вверялись сборы с этих *доходов*, причем за исправность их отвечали не только они сами, но и все общество.

Разумеется, все губные и излюбленные старосты и верные головы были под строгим надзором высшего правительства – Московских приказов, которые по существу своей деятельности делились на два больших отдела: а) приказы общегосударственные: Посольский, Разрядный, или Военный, Разбойничий, Холопий, Поместный, Большого прихода (ведавший государевыми доходами) и прочие и б) местные: Новгородский, Тверской и другие.

Приступив к крупным преобразованиям в гражданском быту, Иоанн решил также подвергнуть обсуждению и многие дела церковные.

Еще в 1547 и 1549 годах были созваны церковные соборы, провозгласившие 39 новых русских святых, которые до сих пор почитались только местно или же оставались даже совсем не прославленными.

На Стоглавом соборе, собранном в 1551 году, Иоанн, открывая его, отдал святителям длинный список беспорядков в церковной жизни и требовал от них содействия для их исправления, почему постановления этого собора и были направлены к поднятию нравственности духовенства, а также просвещения и благочиния среди прихожан.

По важному для тогдашней Московской Руси вопросу о правильном писании святых икон собор постановил: «Подобает быти живописцу смиренну, кротку, благоговейну, не празднословцу и не смехотворцу, не сварливу, не завистливу, не пьянице, не грабежнику, не убийце... Наипаче же хранить чистоту душевную и телесную, не могущим же до конца тако пребыти по закону браком сочетаться, и приходите к отцам духовным часто на исповедание, и во всем с ними совещаться, и по их наставлению жить, пребывая в посте и молитве, удаляясь всякого задора и бесчинства. И с превеликим тщанием писать на иконах и досках образ Господа нашего Иисуса Христа и Пречистой Его Матери, Святых Небесных Сил, Пророков и Апостолов, Мучеников, Святителей и Преподобных и всех Святых по образу и по подобию и по существу, смотря на образ древних живописцев... А которые иконники по сие время писали не учась, самовольством, и не по образу, и те иконы променивали дешево простым

людям, поселянам, невеждам, тем запрещение положить, чтобы учились у добрых мастеров. Которому даст Бог, учнет писать по образу и по подобию, тот бы писал, а которому Бог не даст, тому впредь от такого дела престати, да не похуляется имя Божие от такого письма. Если же ослушники будут говорить, «тем-де питаются», то от Бога даровано много других рукоделий, которыми может человек питаться и жить, кроме иконного письма».

По вопросу, поставленному царем о выкупе пленных из рук басурманов, собор определил: «Которых окупят Царские послы в Ордах, в Цареграде, в Крыму, в Казани, или Астрахани, или в Кафе, или сами откупятся, тех всех пленных окупать из Царской казны. А которых пленных Православных христиан окупят Греки, Турки, Армяне или другие гости и приведут в Москву, а из Москвы захотят их опять с собой повести, то этого им не позволять, за то стоять крепко и пленных окупать из Царской же казны, и сколько этого окупа из Царской казны разойдется, и то раскинуть на сохи по всей Земле, чей кто ни будь – всем равно, потому что такое искупление общею милостынею называется». Когда статьи соборного определения были посланы в Троицкую лавру к бывшему митрополиту Иосафу и другим святителям, проживавшим там на покое, а также ко всем соборным старцам лавры, то они, утвердя все статьи, о выкупе пленных написали: «Окуп брать не с сох, а с архиереев и монастырей. Крестьянам, Царь Государь, и так много тягости; в своих податях, Государь, положи им милость».

О призрении больных и бедных собор постановил: «Да повелит благочестивый Царь всех больных и престарелых описать по всем городам. и в каждом городе устроить богадельни мужские и женские, где больных, престарелых и неимущих, куда голову преклонить, довольствоваться пищей и одеждою, а боголюбцы пусть милостыню и все потребное им приносят... Священники должны приходиться к ним в богадельню, поучать их страху Божию, чтобы жили в чистоте и покаянии, и совершать все требы».

Наконец Стоглавый собор обратил внимание на разные бесчинства и суеверия и запретил заниматься злыми ересями и волхвованием, а также уже знакомые нам: Рафли, Шестокрыл, Аристотелевы Врата и другие отреченные книги.

Таковы были глубокие и обширные преобразования, задуманные 20-летним Иоанном, для проведения которых в жизнь им были собраны соборы: 1550 года – Земский и 1551 года – Церковный.

Летописи, к сожалению, не дают нам никаких подробностей о жизни государя за это время, а также не дают и точных указаний о том, каким образом были подготовлены эти преобразования и кому именно из приближенных к нему лиц принадлежала та или иная мысль, так как, очевидно, сам Иоанн, не будучи еще достаточно знаком со строем государственного и церковного управления, не мог единолично наметить все преобразования.

Без сомнения, выдающееся значение во всех начинаниях Иоанна принадлежало митрополиту Макарию, старцу, уже подошедшему к 70-му году жизни и беспредельно преданному православию, Родине и своему молодому государю, причем величайшей заслугой Макария было возбуждение в Иоанне благородного честолюбия путем указания ему великих задач, лежащих на московских государях. Конечно, по совету Макария Иоанн венчался на царство, что, может быть, было неприятно некоторым из его бояр, так как еще более возвышало его над ними, но должно было давно совершиться ввиду роста Московского государства, а главное, ввиду перехода к Москве, после взятия Царыграда турками, значения Третьего Рима, почему московский государь и являлся верховным охранителем единой истинной православной веры. Макарию же, без сомнения, принадлежала мысль о созыве Церковного собора, а, может быть,

также и Земского. Но, как и подобает истинному и верному царскому слуге, Макарий нигде не выставлял свою деятельность напоказ, а делал все так, что виновником всех благих преобразований являлся Иоанн, причем по существу дела это было вполне правильно, так как от царя зависело – принять или нет данный ему совет, и царь же нес все последствия за созданные им мероприятия.

К важным сторонам деятельности Макария следует отнести также составление по его поручению подробных житий, или Большой Четвы минеи, всех русских святых и написание Степенной книги, начатой митрополитом Киприаном, в которой последовательно, по степеням, изложено государство всех русских великих князей с древнейших времен.

По поручению Макария же было предпринято составление большой летописи, так называемой Никоновской, и, вероятно, также и Софийского (Новгородского) временника. Наконец, при Макарии же начался и расцвет русской живописи; большая часть житий святых были, несомненно, написаны или начаты своим написанием именно по благословению митрополита Макария.

Рассматривая в настоящее время, более чем через 300 лет, огромные тома этих лицевых летописей и житий святых, в которых каждое малейшее событие прошлого Русской земли не только тщательно записано, но и украшено соответствующим рисунком, невольно проникаешься великим уважением и сердечным умилением к составителям этих летописей и живописцам за их горячую любовь к Родине, выразившуюся в этой огромной работе, и ясно понимаешь, чем именно Московское государство было крепко: глубокой преданностью и любовью к своей стране и заветам отцов. Ни в одном государстве Европы, да и вообще во всем мире, нет таких богато украшенных рисунками летописей или житий святых, как у нас. К сожалению, почти никто из составителей этих летописей и живописцев, украшавших их изображениями, не оставили нам на память, из смирения, своих имен на их удивительных произведениях. К сожалению также, строго придерживаясь в иконописании древних образов, они не выучились писать изображений с живых людей, почему у нас почти нет портретов русских государей и выдающихся личностей XVI века, а немногие из имеющихся едва ли передают правильно черты лица тех особ, с которых они писаны.

Митрополит Макарий. Икона. XX в.

В том же 1551 году, когда состоялся Стоглавый собор, Макарий исходатайствовал у Иоанна разрешение освободить от заточения, вероятно, не весьма строгого, известного нам Максима Грека, противника монастырского землевладения и страстного обличителя всякой

неправды, попавшего, как мы помним, вследствие несчастного стечения обстоятельств, под церковный суд и заточенного при Василии III.

Макарий не был сторонником Максима Грека по вопросу о владении монастырями землей и принадлежал к противоположной по взглядам партии осифлян, но высоко ценил его праведную жизнь и писал ему, когда тот был еще в заточении, что «узы твоя целует, яко единого от Святых».

В Максиме Греке, несмотря на многолетнее заключение, был так же, как и прежде, силен «огнь ревности яже по Бозе», и он, невзирая ни на что, продолжал писать свои обличительные тетради. Так, против дурного правления бояр во время юности Иоанна он написал беспощадно резкое «Слово пространнее излагающе с жалостью нестроения и безчиния царей и властелех последнего века сего», а затем написал и самому Иоанну замечательные по своей полной безбоязненности и превосходным мыслям «Главы поучительны к начальствующим правоверно», которые, конечно, оказали большое влияние на молодого государя.

В этих «Главах» Максим Грек писал Иоанну, что государю необходимее всего правда; «Ничтоже убо потребнейше и нужнейше правды благоверно царствующему на Земли»; при этом он сравнивает царя с солнцем: как солнце освещает и согревает вселенную, так и «душа благовидная благоверного Царя, украшенная правдой и чистотой, украшает и согревает все ей подвластное».

На какие стороны преобразований Иоанна имел влияние Адашев, к сожалению, неизвестно; но он, как начальник Челобитного приказа, вроде Канцелярии его императорского величества по принятию прошений, имел, разумеется, непрерывные и постоянные сношения с государем.

Сильвестр, по-видимому, имел, главным образом, влияние на религиозное чувство Иоанна, причем он вмешивался и в домашнюю жизнь молодого государя. Но вместе с тем, как увидим, Сильвестр был очень склонен оказывать свое влияние и на государственные дела.

Нет сомнения, что большое влияние на преобразования Иоанна оказали также взгляды и мысли некоего Ивана Пересветова, записки которого хранились в Государевой казне. Иван Пересветов был уроженец русских областей, находившихся под властью Литвы. С разрешения великого князя литовского, он был одно время на военной службе у чешского и венгерского королей и у молдавского воеводы; затем он прибыл в Московское государство и поступил также на военную службу в малолетство Иоанна; здесь он прекрасно изучил весь строй нашей жизни, испытав при этом лично на себе многие великие неправды во время боярского правления.

Ф. Солнцев Серебряная дарохранильница

Будучи православным и русским человеком и видя огромную мощь Московского государства, Иван Пересветов, скорбя душой о неурядицах, наступивших в правление бояр, в нескольких своих «книжках», переданных им Иоанну в 1549 и 1550 годах, стал горячо проводить мысли о необходимых, по его мнению, преобразованиях.

Он настойчиво советовал взять Казанское царство, говоря, что и волошский (молдавский) воевода, у которого он служил, дивился, «что таковая земля невеликая, весьма удобная, у такового великого, сильного царя под пазухою, а не в дружбе, а он ей долго терпит и кручину от них великую принимает...».

При этом Пересветов сильно нападал на русских бояр, начальствовавших на войне не по своим способностям, а в силу местнической лестницы. Вельможи русского царства, говорит он, потому только и называются слугами царя, что «цветно и конно и людно выезжают на службу его». Но на самом деле это плохие слуги, которые некрепко стоят за царя и веру «и люто против недруга смертной игрою не играют». Они обленились, боятся смерти и думают только о наживе, поэтому государь, давая им города на кормление, «особую войну на свое царство напускает».

Вследствие обогащения вельможи отвыкают от ратного дела, «ленивеют» и думают об «укрочении», то есть уменьшении власти своего государя, и строят для этого разные ковы, стараясь лукавством и чародейством приблизиться к царю, уловить его сердце, и затем, приобретя доверие, употребляют его во зло. Таких вельмож, говорит Пересветов, которые приближаются к царю не по воинским заслугам и мудрости, надо «огнем жести и иные лютые смерти им давати, чтобы зла не множилось». Царская же власть, продолжает он, должна быть неограниченной, без всякого «укрочения», и только такой власти возможно провести все преобразования.

С. Иванов. Земский собор

Среди этих преобразований, говорит он дальше, на первом месте должна быть поставлена во всех делах правда. По словам волошского воеводы Петра, у которого он служил, если нет правды в Московском государстве, «то всего нет».

Затем, со слов того же воеводы Петра, Пересветов советует самому царю собирать доходы со всего государства, отменив раздачу городов в кормление, и большую часть этих доходов употреблять на содержание войска, так как войско – сила государства. «А Царю без воинства не мочно быти». «Воинниками Царь силен и славен», – говорит он. При этом сам царь должен быть грозен и мудр и иметь особое дарование: «мудрое и счастливое приращение к воинству». Пересветов настаивает, что необходимо особенно заботиться о воинстве, следует воинам «сердце веселить», и тогда Царской казне конца не будет, и царство не оскудеет.

Вообще забота о войсках составляет заветную мысль Пересветова, и он необыкновенно красноречиво ее высказывает: «Воина держати, как сокола чередити (кормить), и всегда ему сердце веселити, а ни в чем на него кручины не допустити... Который воинник лют будет против недруга Государева играти смертною игрою и крепко будет за веру христианскую стоять, ино таковым воинникам имяна възвышати и сердца им веселити, и жалования ис казны своей Государевы прибавливати; и иным воинником сердца возвращати, и к себе их припуцати блиско, и во всем им верити, и жалоба их послушати во всем, и любите их, яко отцу детей своих, и быти до них щедрю: щедрая рука николи же не оскудевает и славу царю собирает».

Пересветов также советовал создать по западноевропейскому образцу постоянное войско, а не собираемое только в случае надобности, и с постоянными же начальниками, исключительно посвятившими себя военному делу.

При этом он говорил, что по отношению крымского хана следует ограничиться обороной и держать на южной границе 20 000 отлично обученных солдат, получающих жалование от казны. Эти 20 000 «юнаков храбрых со огненною стрельбою, гораздо учиненною», уверял Пересветов, будут лучше 100 000 обыкновенного войска, собираемого от земли. На Казань же он советовал вести самое решительное наступление с неременной целью совершенно покорить ее.

В общем, важнейшие мероприятия, предложенные Пересветовым в 1549 и 1550 годах, заключались в следующем: установить, чтобы в государстве делалось все по правде, причем

царская власть должна быть неограниченна и грозна против боярского своеволия; отменить кормление; собирать все *доходы* в Государеву казну и из нее платить жалованье всем служилым людям. Учредить постоянное, отлично обученное и храброе войско из верных царских слуг, щедро награждать их и выдвигать только по личным достоинствам, а отнюдь не вследствие родовитости.

В таком войске и в военных людях, а не в вельможах и заключается, по мнению Пересветова, сила государства; оно обеспечит его внешнее могущество и будет способствовать внутреннему благосостоянию.

Как мы видели, в речи Иоанна перед открытием Земского собора 1550 года, многие из мыслей Пересветова прямо были высказаны молодым царем; очевидно, они вполне совпадали с его собственными; то же можно сказать по отношению и общего духа преобразований, принятых Иоанном.

Передавая исправленный Судебник на утверждение Стоглавому собору, государь сказал: «И по вашему благословию Судебник исправил и великие заповеди написал, чтобы то было прямо и брежно, суд был бы правилен и беспосульно во всяких делах».

Вместе с тем тогда же царем был предпринят и ряд важных мер об устройстве военного сословия, а в 1550 году был издан указ о самом крупном наделении служилых людей землею, какое только известно, а именно царь приказал им сразу раздать 1000 поместий в ближайших окрестностях Москвы, причем были выработаны правила о соответствующей раздаче имений в зависимости от заслуг, о вдовах военнотружущих и прочие.

Затем государь положил начало и постоянному войску: он создал стрельцов, собираемых из вольных людей; они получали земельные участки и жалованье и обязаны были служить пожизненно и наследственно. Стрельцы были пешие, и только незначительная часть из них имела лошадей, называясь стремянными (общее число стрельцов было невелико и к концу XVI века достигало 12 000 человек). Наконец, согласно с мыслями Пересветова, государь в 1550 году по приговору митрополита, братии и бояр ограничил случаи местничества в войсках, хотя уничтожить его вполне и не мог.

Все это, несомненно, показывает, что Иван Пересветов имел большое влияние на Иоанна, хотя в числе близких к нему лиц, в его избранной раде, он и не состоял.

Ввиду решимости, с какой взялся молодой царь править сам своим государством, боярское своеволие, конечно, прекратилось, и недовольство новыми порядками высказывалось только глухо; так, наряду с «книжками», и посланиями Ивана Пересветова, в это же время была в обращении и вымышленная «Беседа преподобных Сергия и Германа Валаамских Чудотворцев», написанная, несомненно, боярской рукой; в беседе этой, имея в виду митрополита Макария и Сильвестра, хотя они и не были названы, говорилось, что иноки не должны входить в дела управления государством, а царь должен править им с князьями и боярами, да с мирянами: «не с иноки Господь повелел Царство и гради и волости держати и власть имети, с князи и з боляры и с прочими миряны, а не с иноки».

Горячо отдавшись преобразованиям, Иоанн ревностно занимался и внешними делами.

Старый Сигизмунд умер в 1548 году, испытав в последние годы своей жизни много неудовольствия от своих подданных – строптивых польских вельмож и шляхты, поднявших против него открытый бунт, или рокош, когда он объявил общий поход, или посполитое рушение, против молдавского воеводы. Посполитое рушение собралось в количестве 150 000 человек у Львова, но затем вместо того чтобы идти на неприятеля, шляхта стала шумно предъявлять королю требование различных прав, отказавшись выступить на свой счет за пределы государства; глубоко оскорбленный Сигизмунд вынужден был наконец распустить это воинство, ознаменовавшее свое пребывание во Львове страшным истреблением во всех окрестностях домашней птицы, почему в насмешку сами поляки и назвали этот сбор посполитого рушения куриной войной.

Наследником польской короны после Сигизмунда I был сын его Сигизмунд-Август II, еще при жизни отца, как мы помним, посаженный им в Вильну на великое княжение литовское. Сигизмунд-Август вследствие плохого воспитания, полученного от своей матери, королевы Боны, совершенно не был подготовлен к правлению, хотя отличался хорошими природными способностями; ведя рассеянный и беспечный образ жизни, он всегда откладывал решение государственных дел, за что и получил от своих подданных прозвище «Король-завтра».

С. Иванов. Стрельцы

Ко времени смерти отца Сигизмунд-Август был сильно занят своим вторым браком после смерти первой жены, австрийской принцессы, не оставившей ему детей; он влюбился в Вильне в молодую вдову трокского воеводы Гаштольда, прекрасную Варвару, урожденную Радзивилл, обладавшую, по единодушным отзывам современников, и всеми душевными качествами, и тайно женился на ней.

Когда незадолго до смерти отца он объявил о своем браке, то среди польской знати возникло сильное неудовольствие, что их будущая королева – родом литвинка; неудовольствие это поддерживала также королева Бона, и Сигизмунду-Августу, по занятии отцовского престола, пришлось вступить в упорную борьбу на защиту своего брака с Варварой; он успел наконец добиться признания ее королевой, но вслед за тем она умерла в начале 1551 года, говорят, отравленная своей злою свекровью, и Сигизмунд-Август впал в самое мрачное отчаяние, от которого он перешел к чрезвычайно разгульной жизни.

Конечно, при указанном выше состоянии Польши и Литвы со слабовольным и изнеженным Сигизмунд ом-Августом во главе, Иоанну Московскому нечего было опасаться своего западного соседа.

В 1549 году ввиду окончания срока перемирия в Москву приехали литовские послы договариваться о вечном мире. Но вопрос о Смоленске служил, как и прежде, непреодолимым препятствием к этому. Литовские послы требовали его возвращения, а наши бояре и слышать об этом не хотели, и опять было решено продолжить перемирие на 5 лет, причем при написании перемирных грамот встретилось новое затруднение: Иоанн желал подписаться в них титулом царя, а послы на это не соглашались; чтобы не ссориться с Литвой из-за одного слова и иметь развязанными руки против других врагов, Иоанн уступил, и постановлено было, что грамота от имени короля будет писаться без царского титула.

Но, конечно, отказ Сигизмунда-Августа признать Иоанна царем не способствовал установлению между ними дружеских отношений; Иоанн, в свою очередь, отказывался называть его королем, и при взаимных ссылках они обыкновенно писали друг другу отказы на просьбы по различным вопросам. Так, в 1550 году Сигизмунд-Август просил Иоанна: «Докучают нам подданные наши, жиды, купцы государства нашего, что прежде изначала при предках твоих вольно было всем купцам нашим, христианам и жидам, в Москву и по всей Земле твоей с товарами ходить и торговать; а теперь ты жидам не позволяешь с товарами в Государство свое въезжать»; Иоанн же отвечал на это: «Мы к тебе не раз писали о лихих делах от жидов, как они наших людей от христианства отводили, отравные зелья к ним привозили и пакости многие нашим людям делали: так тебе бы брату нашему не годилось и писать об них много, слыша их такие злые дела».

Обеспеченный перемирием со стороны Литвы, Иоанн по примеру своего великого предка, Владимира Мономаха, которому в эту пору жизни он старался во всем следовать, решил направить свои силы на борьбу с погаными; разделяя при этом мнение, высказанное в посланиях Ивана Пересветова, молодой государь намерен был, действуя оборонительно против Крыма, обратить все свои усилия на окончательное покорение Казани.

Барбара Радзивилл – жена польского короля Сигизмунда-Августа I

Мы видели, что по возвращении из своего второго неудачного похода под Казань весной 1550 года Иоанн заложил у устья реки Свияги, всего в 20 верстах от Казани, новую крепость Свияжск, построение которой было произведено весной 1551 года царскими воеводами под

общим начальством Шиг-Алея, причем лес для церквей и для городских стен был доставлен на судах дьяком Иваном Выродковым, срубившим его в Углицком уезде. Возведение Свяжска, поставленного в течение четырех недель, принесло немедленно же свои плоды. Старшины горной черемисы сейчас же ударили челом государю, прося, чтобы он их пожаловал; скоро их ополчения, вместе с чувашами и мордвой, также присягнувшими Иоанну, подошли по приказу государя под самую Казань; здесь, после крепкой битвы с татарами, они вынуждены были отойти от нее с уроном, но были щедро награждены Иоанном за то, что показали свою верную службу.

Сооружение Свяжска и переход горной черемисы с чувашами и мордвой на сторону Москвы вызвали, конечно, ужас и смятение в Казани, в которой, за малолетством Утемиш-Гирея, всем делами ведал любимец царицы Суюнбеки крымский улан (вельможа) Кошак; скоро русская партия в городе взяла решительный перевес, и Кошак с 300 крымцами должен был спастись из Казани бегством, причем по пути он попал в руки русских воевод, затем был приведен в Москву и там казнен.

Казанцы же отправили послов к Иоанну и просили его дать им царя из его рук – уже давно знакомого им Шиг-Алея, обязавшись выдать нам Утемиш-Гирея вместе с Суюнбекой и оставшимися крымцами. Иоанн согласился, поставив условием, что ему должны быть выданы и все русские, томящиеся в плену, а горная сторона, добровольно нам поддавшаяся, останется за Москвой; Казань же по-прежнему будет владеть луговой стороной (по левому берегу Волги).

На этих условиях в августе 1551 года Шиг-Алей был опять торжественно посажен в Казани Алексеем Адашевым, который вывел оттуда до 60 000 человек русских пленников.

Затем был выведен в Москву и малолетний хан Утемиш-Гирей со своей прекрасной матерью Суюнбекой. Наш летописец очень трогательно рассказывает о ее великом горе, когда она узнала, что за ней прибыл воевода, князь Василий Серебряный; он «вшел в град и ять царицу со царевичем ея, яко смиренну птицу некую во гнезде со единым малым птенцем, в полатах ея, в превысоких светлицах, не трепещущи же ей, ни бьющися, со всеми ея любимыми рабынями, рожденными женами и отроковицами, жившими в полатах ея». Услышав о своей участи, Суюнбека замятво упала на землю, а затем отправилась ко гробу Сафа-Гирея и горько рыдала над ним.

Потеря горной стороны была, конечно, большой обидой для казанцев; недоволен был последним и Шиг-Алей, который стал просить Иоанна вернуть ее Казани. Но в Москве с этим никак не могли согласиться, и Шиг-Алею был послан ответ, что горная сторона останется за нами; при этом ему также наказывалось непременно освободить всех пленных, так как имелись сведения, что часть русских людей продолжала томиться в Казани закованными и спрятанными в ямах. Положение Шиг-Алея ввиду требований Москвы, с одной стороны, и недовольства казанцев – с другой, было весьма тягостным, что он и высказывал московским воеводам. Скоро среди казанских вельмож возник против него заговор; они стали сноситься с ногайскими князьями и решили убить его вместе с бывшим при нем князем Палецким, но Шиг-Алей вовремя узнал об этом; он пригласил заговорщиков в числе 70 человек к себе на пир и перебил их там; остальные же бежали.

Однако эта кровавая расправа не утвердила его положения в Казани, что было хорошо понято и в Москве; по поручению Иоанна к Шиг-Алею прибыл Алексей Адашев и предложил ему ввиду измены в Казани укрепить город русскими людьми, то есть впустить в него русские войска. На это Шиг-Алей ответил, что ему действительно очень тяжело живется в Казани, но что ввести русские войска он не берется, а предлагает самому Иоанну взять Казань при условии, что ему дадут обратно Касимов, где он сидел раньше, «так я здесь лихих людей еще изведу, пушки, пищали и порох перепорчу: Государь приходи сам да промышляй».

Между тем ненависть казанцев к Шиг-Алею усилилась до такой степени, что они решили зависеть лучше от московского наместника, чем иметь его царем, и послали бить об этом челом

Иоанну в январе 1552 года. Ввиду этого в феврале Алексей Адашев вновь отправился в Казань, чтобы свести Шиг-Алея; вместе с ним прибыли и татары, ездившие послами в Москву и привезшие оттуда грамоту с условиями перехода Казани под руку Иоанна.

6 марта Шиг-Алей выехал из города, а боярин князь Семен Микулинский отправил туда в тот же день извещение, что он назначен государевым наместником по челобитью казанцев, почему и приглашает их лучших людей приехать в Свияжск для принесения присяги.

На следующий день казанцы прислали в Свияжск своих лучших людей, которые там и присягнули, после чего князь Микулинский отправил свой обоз в город под прикрытием отряда из боярских детей, казаков и 72 пищалей; отряд этот благополучно вошел в Казань, и к городу уже подходил с остальной ратью сам Микулинский, уверенный, что все обстоит совершенно мирно, как вдруг дело приняло неожиданный оборот: трое вельмож, противников Шиг-Алея, успели возбудить казанцев против русских, уверяя, что мы хотим их всех перебить. Возбужденный народ, и без того недовольный переходом под власть православного царя, взялся за оружие и стал затворять ворота перед самым *иоахоаот* к ним войск князя Микулинского. Вслед за тем Микулинский, тщетно простояв под Казанью полторы недели, вернулся назад в Свияжск и послал о происшедшем донесение государю, ожидая указаний для дальнейших действий.

Казанцы в это время взяли себе в цари астраханского царевича Едигера; судьба же боярских детей, прибывших в город с обозом князя Микулинского, была печальна: «тех же воеводских юнош, – говорит летописец, – в Казань впустивше, и яша всех, и понудиша их прежде ласканием отрещися веры христьянская и прияти веру басурманскую, яко в чести велицей будут у них: князи нарекутся и со единого с ними на Русь воевати учнут ходити. Они же возопиша вси единым гласом купно: "Не даждь Бог отлучитися веры Христовы и попради святое крещение вас ради нечестивых и поганых человек"», после чего были преданы жесточайшим пыткам и казнены.

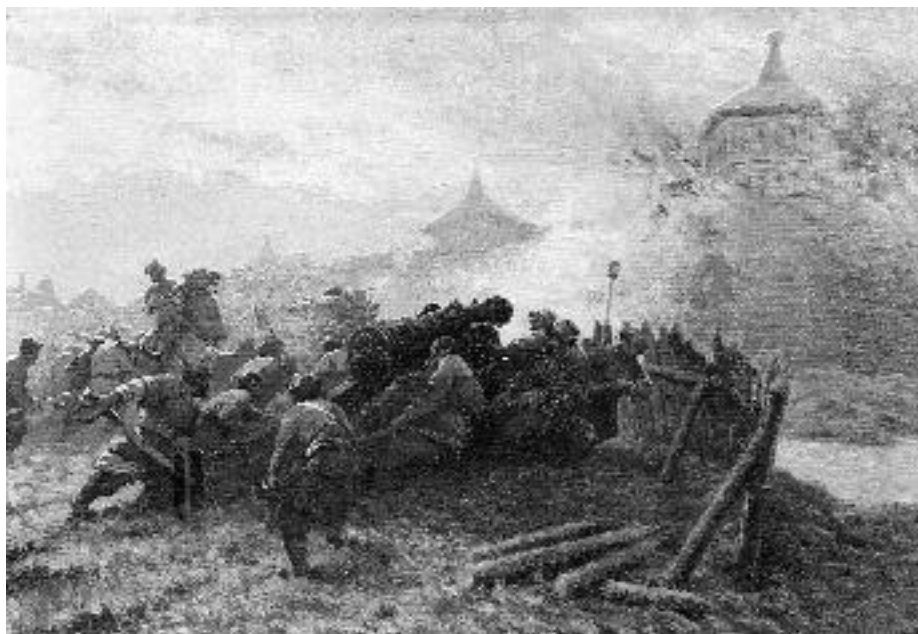
Узнав о происшедшем, Иоанн отправил на помощь князю Микулинскому в Свияжск шурина своего Ланилу Романовича Захарына-Юрьева, а Шиг-Алею приказал ехать в Касимов; затем в апреле государь собрал совет по вопросу о большом походе на Казань; некоторые находили, что это повлечет за собой войну не только с Крымом, но и с ногайскими татарами, однако Иоанн, полагая, что настало время навсегда покончить с Казанью, решил лично отправиться к ней с большими силами и приступил к их сбору.

Между тем вести с Поволжья были не хороши: горная черемиса стала волноваться, а затем и перешла вся на сторону Казани, причем истребила несколько небольших русских отрядов; в Свияжске же, где кроме войска было скопление большого количества освобожденных из Казани пленников и пленниц, начался сильный мор от цинги, и вместе с тем шла весьма разгульная жизнь.

По получении об этом известия митрополит Макарий отправил в Свияжск послание, в котором уговаривал воинов крепко стоять за веру и блюсти чистоту душевную и телесную; послание это было прочитано после молебна и произвело сильное впечатление: разгул стих, а затем прекратился и мор.

Тем временем Иоанн усердно готовился к походу, то осматривая собиравшиеся полки, то занимаясь делами с боярами. Он вызвал в Москву Шиг-Алея и приказал ему идти также в поход с касимовскими татарами, причем дал ему в жены красавицу Суюнбеку. По-видимому, поводом к этому браку было нежелание Иоанна отпустить Суюнбеку к отцу, одному из могущественнейших владетельных ногайских князей – Юсуфу, который, имея в своих руках дочь и внука бывшего царя – младенца Утемиш-Гирея, мог бы предъявить тоже свои права вмешиваться в казанские дела, тем более что сведения о большом сборе московского царя на Казань были уже повсеместно известны и возбуждали сильную тревогу в мусульманских странах. Особенно близко к сердцу принимал их турецкий султан Солиман II Великолепный, ревностный покровитель всех магометан, хотя и находился под сильным влиянием своей любимой жены Роксоланы, русской пленницы, дочери рогатинского попа в Галиции. Эта Роксолана втайне оставалась православной и навсегда оставила по себе добрую память необычайно участливым отношением к пленным сородичам, для облегчения судьбы которых она, втихомолку от мужа, тратила огромные деньги.

Узнав о приготовлениях Иоанна, Солиман предложил новому крымскому хану Левлет-Гирею, племяннику знакомого нам Саип-Гирея, напасть на Москву и послал ему свои пушки и отряд янычар; такое же предложение было послано Солиманом и к ногаям, в том числе и к отцу Суюнбеки, Юсуфу, а также, конечно, и к астраханским татарам; но ногайские князья слишком враждовали друг с другом и не могли быть нам очень опасны; Астрахань же была прямо связана торговыми выгодами с Москвой и потому дружила с ней. Таким образом, Солиману удалось поднять против нас только крымцев.

В. Бодров. Осада Казани в 1552 году

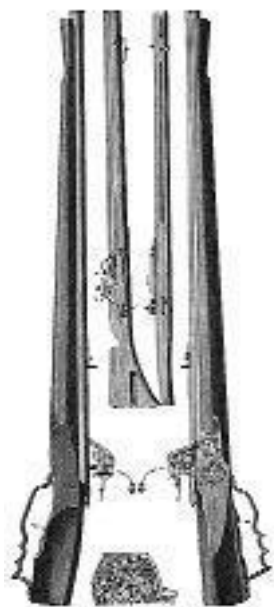
Между тем сборы Иоанна к походу закончились к наступлению лета. Шиг-Алей советовал отложить поход до холодного времени, указывая, что летом вокруг Казани топкие непроходимые болота, замерзающие зимой, когда можно быть спокойными и со стороны крымцев; но государь хорошо помнил свои два зимних похода, оба раза окончившиеся неудачей из-за не вовремя наступивших оттепелей, и, надеясь на помощь Всевышнего, решил не медлить с выступлением, рассчитывая, что Бог и непроходимые места проходимыми делает и острые пути в гладкие обращает.

Часть войска была собрана еще в мае 1552 года и после смотра, произведенного ей царем, направлена на судах вместе с большим стенобитным снарядом по Оке и Волге к Свияжску; сюда же шли войска, также на судах, и с северо-востока – по реке Каме.

Главная рать должна была идти вместе с государем сухим путем. Воеводой большого полка был назначен боярин князь Иван Феодорович Мстиславский, а товарищем ему – князь Михаил Иванович Воротынский, получивший от Иоанна в знак особой к нему милости звание слуги, считавшееся выше боярского и данное до того времени только двум лицам: князю Семену Рязполовскому, отец которого спас детей Василия Темного во время Шемякинской смуты, и князю Ивану Воротынскому, отцу Михаила, за знаменитую Ведрошскую победу. Передовой полк был поручен князьям Ивану Турунтаю Пронскому и Димитрию Хилкову, сторожевой полк – князю Василию Серебряному и Семену Шереметеву; полк правой руки вели князья Петр Щенятев и Андрей Курбский, а левой – князь Димитрий Микулинский и Димитрий Плещеев. В собственном полку Иоанна были: князь Владимир Воротынский и Иван Шереметев.

16 июня государь выступил из Москвы «на свое дело», как образно говорит летописец. Он нежно простился с царицей, которая была в ожидании первого ребенка, и заповедовал ей не грустить о нем, но молиться Богу «и многу милостыню творити убогим, и многим бедным и в наших царских опалах разрешати повелевай и в темницы заключены испущати повелевай, да сугубу мзду от Бога приемлем, аз за храбрство, а ты за сия благая дела». Затем он отправился в Успенский собор, где жарко и долго молился, проливая многие слезы пред образом Пречистой и у мощей московских чудотворцев святых Петра и Ионы. Здесь он принял последнее благословение от отца своего – митрополита Макария. Напутствуемый им, 22-летний государь бодро сел на своего коня и выступил по дороге на Коломну в главе воинства, блиставшего доспехами, подобно тому, как некогда его великий предок Димитрий Иоаннович Донской выступил на страшный бой с Мамаем.

Еще до прихода на первый ночлег Иоанн встретил гонца с известием, что множество крымцев двигается к нашей украине и перешли уже Донец. 19 июня в Коломну прибыл новый гонец с известием, что крымцы идут по путям на Коломну и Рязань. Вести эти нисколько не смутили Иоанна. Он сейчас приказал идти полкам на берег – к Оке, лично отправившись туда же для обзора местности, и объявил, что если крымский хан придет, то он намерен «делать с ним прямое дело». Известие об этом наполнило сердца всех воинов большим воодушевлением.

21 июня пришли новые вести; из Тулы прибыл гонец и объявил, что к ней приходили татары, но немного, и, повоевав окрестности, отошли. Ввиду этого Иоанн отправил к Туле полки передовой и правой руки вместе с боярином князем Михаилом Воро-

тынским, а сам остался в Коломне выжидать дальнейших известий. 23 июня прискакал гонец от тульского воеводы князя Григория Темкина-Ростовского с важной вестью, что к городу прибыл сам хан Девлет-Гирей со всеми силами и янычарами. Тогда Иоанн, «ни мало помешкав и не соверша стола», решил тотчас выступить ему навстречу; он приказал сейчас же всем бывшим с ним войскам начать перевозиться через Оку, а сам отправился к вечерне, так как никогда и ни в каких случаях жизни не пропускал церковных служб.

Отстояв вечерню, государь выступил к Кашире, где была назначена перевозка; сюда прискакал опять новый гонец и привез ему радостную весть о новом блистательном деле русских людей: сидевший в Туле князь Григорий Темкин доносил, что накануне, 22 июня, Девлет-Гирей весь день бил изо всех своих орудий город, отчего во многих местах был пожар, и янычары делали несколько яростных приступов; однако несмотря на то, что у тульчан было немного ратных людей, все приступы были успешно отбиты при участии мужественных горожан. Утром же 23 июня, когда хан опять готовился к новому приступу, то с севера показались большие облака пыли. Обрадованные жители поняли, что это идет царская помощь (высланные Иоанном полки передовой и правой руки), и с криками: «Боже Милостивый! Помогите нам! Царь Православный идет» – открыли ворота и произвели стремительную общую вылазку, в которой приняли участие вместе с воинами не только мужское население города, но даже женщины и дети. Множество татар было побито, и в том числе ханский шурин. Девлет-Гирей не стал мешкать и побежал в степь, а прибывшие воеводы Иоанна тотчас же погнались за ним; они успели застигнуть его отступавшие части, которых разбили наголову и захватили огромное количество пленных, верблюдов и пушек. Хан побежал еще быстрее, а Иоанн, так счастливо избавившийся от крымцев, вернулся в Коломну и стал думать там с двоюродным братом своим князем Владимиром Андреевичем, боярами и воеводами: как теперь идти дальше на Казань? Решено было двинуться двумя дорогами: самому государю с полками – своим и левой руки – идти на Владимир и Муром, а всем остальным на Рязань и Мещеру, чтобы заслонить царя на случай внезапного нападения ногаев, и всем сходиться за Алатырем.

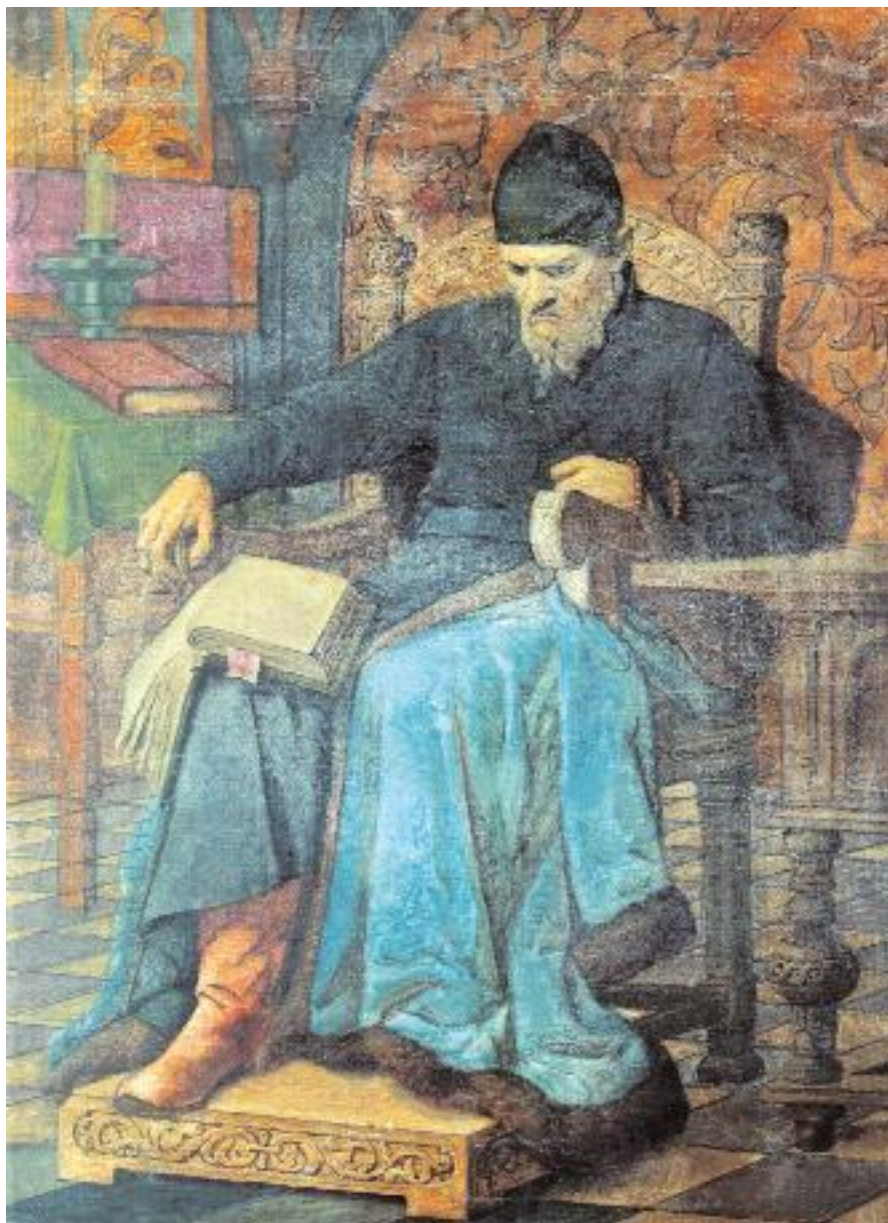
Когда надлежало уже выступить, то произошла неприятная заминка. Новгородские боярские дети ударили челом государю, прося их отпустить домой; они говорили, что уже с весны находятся в Коломне, иные уже бились с татарами, а теперь впереди еще такой далекий путь. Это сильно опечалило Иоанна; наконец он приказал переписать всех челобитчиков и объявить им, что кто хочет идти за государем, тех он будет жаловать и под Казанью кормить, а кому нельзя идти, те пусть остаются в Коломне. Мера эта подействовала: все отвечали в один голос: «Готовы идти с государем; он наш промышленник и здесь и там, промыслит нами, как ему Бог известит». Затем войска выступили из Коломны.

Прибыв во Владимир, Иоанн горячо молился в соборной церкви над гробом своего предка святого Александра Невского, а в Муроме над мощами князя Петра и княгини Февронии. По пути он получил известие от супруги и благословение от митрополита, а также сведения, что наши отряды имели несколько удачных столкновений с горной черемисой, которая вслед за тем опять присягнула нам. Русское воинство шло то густыми лесами, то чистыми полями и везде находило достаточное продовольствие: в реках ловилась превосходная рыба, в полях росли всякие овощи, а в лесах было множество птиц и разной дичи, причем лоси, по словам летописца, как бы сами приходили на убой; когда рать вступила в землю чувашей, мордвы и горной черемисы, то жители, чтобы загладить свою недавнюю измену, приносили в множестве хлеб, мед и масло.

13 августа Иоанн прибыл в Свияжск, где его уже ожидали войска, отправленные на судах. Все радовались благополучному окончанию трудного похода и наслаждались обильными припасами, прибывшими водою вместе с пушками и военными снарядами.

В. Васнецов. Царь Иоанн Васильевич Грозный

А. Новоскольец. Иоанн Грозный

Царь решил немедленно идти под самую Казань; вместе с тем он поручил Шиг-Алею написать грамоту новому царю Едигеру с предложением добровольно покориться без пролития крови; такие же грамоты были отправлены к казанским людям и их духовенству.

16 августа войска наши стали перевозиться у Свияжска через Волгу на луговую сторону, а 20-го числа сам Иоанн переправился уже за реку Казанку и получил здесь ответ Едигера, наполненный ругательствами и вызовом на брань. В это же время к нам прибыл из Казани некий Камай-мурза, передавший на нашу сторону и оказавший нам немалую услугу своими полезными указаниями. Камай-мурза сообщил, что казанцы собрали до 60 000 войска и решили крепко биться, причем Едигер половину войска оставил в городе, а другую, под начальством отважного наездника Япончи, состоящую преимущественно из конницы, скрытно расположил в некотором отдалении от города, в лесных засеках, чтобы действовать оттуда на тыл русских во время осады.

Казань, расположенная на левом луговом берегу Волги, верстах в 6 от последней, была обнесена крепкими стенами из дубовых срубов, набитых землею, и вооружена пушками и пищальми; город был выстроен на холмистом левом берегу речки Казанки в том месте, где в

нее впадает глинистый проток Булак, идущий из озера Кабан в Казанку. Крутые берега Казанки и Булака огибали город с трех сторон; с четвертой же стороны, там, где простиралось Арское поле, был проведен глубокий ров с валом. В городской стене имелось 10 ворот, а в вершине угла, у впадения Булата в Казанку, помещался сильно укрепленный царский двор с несколькими каменными мечетями.

Получив сведения от мурзы Камая, государь собрал совет, на котором окончательно было решено, как обложить город. Было приказано, чтобы во всей рати каждые 10 человек приготовили по туру, то есть по большой плетенке из хвороста, наполненной землей, да чтобы каждый имел по бревну для устройства тына. Затем настрого было приказано, чтобы без царского повеления, а в полках без воеводского, никто не смел бросаться к городу.

23 августа полки стали занимать назначенные им места; Иоанн повелел развернуть свое знамя с Нерукотворным Спасом и крестом, бывшим с Димитрием Иоанновичем на Лону, и начать служить молебн, после которого он собрал присутствующих и сказал им высокопрочувствованную речь, начав ее словами: «Приспело время нашему подвигу: потщитесь единодушно пострадать за благочестие, за святые церкви, за единородную нашу братию, православных христиан, терпящих долгий плен... Не пощадите голов своих за благочестие, – продолжал государь, – я сам с вами пришел: лучше мне здесь умереть, нежели жить и видеть за свои грехи Христа хулимого и порученных мне от Бога христиан, мучимых от безбожных казанцев...». На это ему отвечал князь Владимир Андреевич обещанием от имени всех не щадить своих голов в борьбе с погаными. «Дерзай, царь, на *дело*, за которым пришел, да сбудется на тебе Христово слово: всяк просяй – приемлет и толкущему отверзется», – закончил он свой ответ. Тогда Иоанн, взглянув на образ Спаса, сказал во всеуслышание: «Владыко! О твоём имени движемся».

Войска наши обложили Казань так: сам государь со своим отборным полком, преимущественно из конных боярских детей, и двоюродным братом Владимиром Андреевичем расположился на так называемом Царевом лугу; полк левой руки стал по Булаку, примыкая своим правым крылом к озеру Нижний Кабан; левее его, до впадения Булака в Казанку, стал сторожевой полк, а за Казанкой – полк правой руки; на Арском же поле стал большой полк; связью между ним и полком правой руки должен был служить легкий конный отряд, или *яртоул*,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.